

ИЛИВЕРЕННОВ

ТАЙНА

РАСПУТИНА

ИЗДА—ВО
"БЫЛОЕ"

α
24.

Н. Н. ЕВРЕИНОВ

ТАЙНА РАСПУТИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БЫЛОЕ“

ЛЕНИНГРАД

1924

Типография имени Володарского, аренд. „Красной Газетой“.
Ленинград, Фонтанка, 57.

1.

С В Я Т О Й.

— Правда ли, что Григорий Ефимович — святой человек?

С таким вопросом обратился однажды к Николаю II его собственный сын незадолго до убийства Распутина, назвав последнего по имени и отчеству, в то время, как в интимном царственном кругу его обычно звали «отцом Григорием», «другом», «старцем», или просто «Он» — местоимением, уснащающим переписку Романовых в различных падежах, но с неизменно прописной буквой. Вопрос был задан за «высочайшим» столом, к которому приглашался обыкновенно и протоиерей о. А. Васильев, бывший настоятель царскосельского Феодоровского собора, — священник, к которому был очень привязан наследник, как к своему воспитателю и учителю «закона божьего».

Николай II, вместо ответа наследнику, попросил тут же дать соответствующее ему разъяснение о. А. Васильева, чье отношение к Распутину, после целого ряда газетных разоблачений личности знаменитого «старца», скандальных слухов о нем, думских запросов о его влиянии на политику и пр. — считалось при дворе крайне подозрительным. Рассказывая об этом случае С. П. Белецкому (б. директору департамента полиции), о. А. Васильев вспоминал, «как пытливо на него смотрела императрица, не спуская с него своего взгляда во время его ответа»¹⁾.

Хорошо понимая щекотливое положение, в которое его поставили как вопрос наследника, так и предложение его «августейшего родителя», о. А. Васильев не дал в свою очередь прямого ответа, а объяснил Алексею, «какие требования предъявляет завет спасителя и священное писание к каждому, кто искренно желает угодить богу».

¹⁾ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин». Изд. «Былое». П., 1923, стр. 57.

Государь, после этого, встал из-за стола, и разговор на этом оборвался ¹⁾).

Почему же, спрашивается, царь «встал из-за стола» и тем демонстративно оборвал разговор?

По той простой причине, что Распутин был давно уже в глазах его *святым* и, следовательно, рассуждение о его святости, далекое от ее апологии, было не чем иным, как лишь суетным мудрствованием, неуместным и даже оскорбительным в отношении высочайше-чтимого «друга» и спасителя царской семьи.

— Вот, посмотрите, — говорил однажды Николай II одному из своих адъютантов Д. — Когда у меня забота, сомнение, неприятность, мне достаточно пять минут поговорить с Григорием, чтобы тотчас почувствовать себя укрепленным и успокоенным. Он всегда умеет сказать мне то, что мне нужно услышать. И действие его слов длится целые недели... ²⁾.

В пять минут смочь «укрепить» и «успокоить» своим простецким «мужицким» разговором самого «самодержца всея России», когда у него «сомнение» и «неприятности», когда «зарвавшийся неприятель» вторгся в пределы «святой Руси», кругом угроза «крамолы», а на руках больной, кровоточивый наследник колеблющегося престола, — для этого поистине надо быть или «святым», «чудотворцем», или чем-то вроде этого.

Кем был *на самом деле* этот «последний мужик» из *бедного* села Тобольской губернии, сумевший стать «первым» в Царском Селе Петербургской губернии, мы постараемся выяснить дальше с тою обстоятельностью, какую дает нам изучение исторических документов; — пока же остановимся пристально на этом *решающе-важно*.и как для карьеры Распутина, так и для последних лет царствования четы Романовых факте: — Николай II считал Григория Ефимовича Распутина-Новых за *праведника*, за «человека божьего», равного *святому*. быть может даже за равного... Христу.

Тщетно, в продолжение почти целого десятилетия, старались многие и многие из приближенных царя разуверить его в «святости» этого, далеко еще не старого «старца», сплетавшего с каждым годом все теснее и теснее свою судьбу с судьбой дома Романовых. Результаты всех этих разуверений и разоблачений не приводили ни к чему

¹⁾ Там же, стр. 37.

²⁾ Морис Палеолог. «Распутин». Воспоминания. Изд. «Девятое Января» М., 1923, стр. 55.

инному, как к немилости и форменной порой опале непрощенных осведомителей.

Первым, кажется, из пользовавшихся доверием царя разоблачителей Распутина потерпел неудачу П. А. Столыпин.

С докладной запиской в руках, составленной командиром корпуса жандармов П. Г. Курловым, на основании данных департамента полиции, о кутежах «святого старца», кончавшихся обыкновенно крупными скандалами, о любовных похождениях сего «праведника» и об авантюризме дурного тона этого «человека божьего», — П. А. Столыпин «поверг к стопам» Николая II свое почтительное предостережение от близости к обласканному им крестьянину. Прав был Курлов, когда совстал Столыпину «не делать этого, так как такой доклад, содержащий только данные о частной жизни Распутина, произвел бы на царя впечатление, будто хотят очернить в его глазах человека, к которому он благоволит. Столыпин меня не послушал, — сетует Курлов в своих воспоминаниях, — но когда вечером вернулся из Царского Села, то призвал меня к себе и сказал, что я был совершенно прав: выслушав доклад о Распутине, царь не сказал ни одного слова, а велел перейти к докладу о текущих делах»¹⁾.

Не подействовали на царя и газетные разоблачения «подвигов» знаменитого старца, начавшиеся в 1910 г., когда стали писать о нем, по выражению б. перомонаха Иллудора, «весьма срамные вещи».

Выступление А. И. Гучкова с думской трибуны, когда сей лидер октябристов, в достаточно прозрачных выражениях, посмел осудить «высшие сферы» за сношения их с Распутиным, привело лишь к тому, что, по указанию свыше, были приняты меры к охране личности «святого», а смелый грешник был поставлен под негласный надзор²⁾.

Ректор Духовной академии о. Феофан, раскусивший, наконец, Распутина должным образом и принесший пред «высочайшими особами» как бы «покаянную» в рекомендации им некогда сомнительного «праведника», навлек тем на себя жестокую опалу и, несмотря на все свои заслуги, несмотря на то, что служил раньше духовником самой императрицы, был вскоре после этого перемещен, вернее сослан (по постановлению Синода!) в Таврическую губернию.

1) «Конец русского даризма». Изд. «Петроград». П. — М., 1923, стр. 180.

2) С. П. Белецкий. «Григорий Распутин», стр. 11.

(«Царица выгнала от себя, когда он начал говорить про Гришу неподобное», — сообщает Илиодор в памятной записке, послужившей конспектом для книжки «Святой чорт»).

Не преуспел в избавлении Романовых от ига этого «святого» и В. Н. Коковцов, в бытность свою председателем совета министров.

По словам б. французского посла Палеолога — друга Коковцова — последний 1-го марта 1912 г. умолял царя разрешить ему отослать Григория обратно в его родную деревню. — «Этот человек овладел доверием вашего величества. Это шарлатан и негодий наихудшей породы. Общественное мнение против него. Газеты...». Царь прервал своего министра презрительной улыбкой: «Вы обращаете внимание на газеты?» «Да, государь, когда они нападают на моего государя и от этого страдает престиж его власти. А в данном случае наиболее лояльные газеты оказываются наиболее суровыми в своей критике». С скучающим видом царь опять прервал его: «эти критики бессмысленные. Я знаю Распутина». Коковцов не знал, стоило ли продолжать. Однако он закончил: «государь, ради династии, ради вашего наследника, умоляю вас, дайте мне принять необходимые меры, чтобы Распутин вернулся в свою деревню и никогда больше не возвращался». Царь ответил холодно: «Я ему сам скажу, чтоб он уехал и не приезжал больше». — «Должен ли я считать это решением вашего величества?» — «Это мое решение». Затем, посмотрев на часы, которые показывали половину первого пополудни, царь протянул Коковцову руку: «До свидания, Владимир Николаевич, я вас больше не задерживаю» ¹⁾.

В 1911 г. сам вернейше-подданный иеромонах Илиодор, бывший смиренным поклонником «святого простеца», решил, наконец, «с царями сцепиться» и «их дернуть за то, что они с такою сволочью, как Григорий Распутин, возятся». — «Посмотрю, — говорил он епископу Гермогену в Царицыне, — откажутся они от этого подлеца или нет. А то это что же: мы за них здесь умираем, изводимся, а они там бог знает что разделяют с распутником...» ²⁾.

¹⁾ М. Палеолог. «Распутин». Воспоминания. Изд. «Девятое Января», М., 1923 г., стр. 16.

²⁾ Бывш. иер. Илиодор (Сергей Труфанов) «Святой чорт». Изд. журнала «Голос Минувшего» (изд. 2-е). М., 1917 г., стр. 132.

План Илиодора и Гермогена — раз навсегда скомпрометировать Распутина в глазах царей, уличив его перед свидетелями ¹⁾ в блуде, мерзостях и злоупотреблении «священным сосудом» самодержавия, — был выполнен блестяще, как в кабинете Гермогена, куда Распутин заманили хитростью и избили, в довершение внушения, крестом по голове, так и в соборе, где его заставили поклясться перед мощами не переступать порога царских дворцов. Но результаты такого «шельмования» оказались самыми плачевными для его инициаторов: Николай II, поверив Распутину, что на жизнь его было совершенно завистливыми пастырями покушение, — заточил Илиодора во Флорисеву пустынь, а самого Гермогена — в Жировицкой монастырь.

В 1914 году всплыли перед читающей публикой новые разоблачения «старца», в связи уж с настоящим, а не вымышленным покушением на его жизнь. Обвинялась портниха из Царицына Хиония (Феония) Кузьминична Гусева (28-ми лет), спфилятичка, с провалившимся носом, мстившая Распутину отчасти за поруганную честь некоей монахини Ксении, отчасти за свергнутого им Илиодора, отчасти же за отвергнутые ласки самой Хионии («не пускать эту рожу», — приказал разборчивый «старец»). Гусева пробралась на родину Распутина и ранила его в живот кинжалом, метившим, повидимому, в половые органы (оказался задетым мочевой пузырь).

«Так как вообще с мнением Гусевой о разделке с Гришкой я был согласен, — пишет Илиодор в своих записках («Святой чорт»), — то не препятствовал, когда в октябре месяце 1913 года среди моих гостей образовалась компания из обиженных Распутиным девушек и женщин для оскопления «блаженного старца». Компания эта уже была готова к «делу», уже были пошиты великосветские платья, как явился предатель Синицын... Он донес об этом Распутину... И дело провалилось... Хиония же Гусева тогда же решила дело поставить на очередь и хотя одной, — а довести его до конца» ²⁾.

Когда, в связи с этим покушением на Распутина, «Биржевые Ведомости» отважились дать место столь скандальным данным о подвигах придворного «святого», что ни у кого уж не осталось сомнения в овечьей маске этого «волка», — Николай II (осведомляемый в то

¹⁾ Ближайшими свидетелями были выбраны писатель И. А. Родионов, юридический Митя, купец Чернышев и священники: Ледовский, Сошестввенский и Стефан Твердынский.

²⁾ «Святой чорт», стр. 185.

время самым министром юстиции Н. Г. Щегловитовым о ходе следствия) остался в результате *все-таки* непоколебленным в своей любви и преданности к пострадавшему «старцу». Газетам же с тех пор было строжайшим образом предписано не сметь касаться более личности Г. Е. Распутина, переменившего к тому времени свою предательскую кличку на фамилию *Новых*¹⁾.

Стараться разуверить Николая II в святости Распутина стало вскоре, в глазах некоторых, какой-то смехотворно-невыполнимой задачей.—Когда б. председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, например, решился, в связи с попавшими в его руки (от Илиодора) письмами царицы и ее дочерей к Распутину, посоветовать Николаю II выслать «человека божьего» из Петербурга,—П. Г. Курлов и его клика, нейтрально относившиеся к «отцу Григорию», сочли такой поступок просто дурацким со стороны председателя Государственной Думы.—«Нужно быть таким самоуверенным и таким ограниченным человеком, как Родзянко, чтобы удивляться и быть недовольным, когда его совет не имел никакого успеха»,—смеется П. Г. Курлов в своих воспоминаниях²⁾.

Чего же больше! Сама родная мать Николая II, сама родная сестра Александры Федоровны, и те, как ни старались, не смогли развенчать «старца» в глазах своего упрямого родственника. И Марии Федоровне, и Елизавете Федоровне последний отвечал всегда самоуверенно и неизменно одно и то же: «Это все клевета. Впрочем, на святых всегда клеветают»³⁾.

Раз «на святых всегда клеветают», а Распутин «святой»,—тут разумеется, все, без исключения, должны были потерпеть полное фиаско в просветлении Николая II. С таким силлогизмом ничего не поделаешь!—Тут встанет втупик и мудрейший знаток логики на свете!

¹⁾ Мотивом просьбы Распутина о перемене фамилии послужило,—по словам «Петерб. Газеты» (№ 316) 1911 г.,—«несоответствие духовной деятельности «старца» фамилии «Распутин». Переменной фамилии на «Новых» Распутин, по объяснению этой газеты (см. статью «Перемена фамилий»), как бы желал подчеркнуть свое обновление. По словам же самого Распутина, в передаче Илиодора,—наследник, увидав однажды старца, захопал ручонками и залепетал «Новый, Новый, Новый». Это были первые его слова. «Тогда дарь яко бы дал приказ именовать Распутина — Новых». (См. «Святой чорт» стр. 26).

²⁾ Op. cit., стр. 183.

³⁾ М. Палеолог. «Распутин», стр. 19.

Но так как законы логики были не писаны для большинства военных старого закала и так как некоторым из них казалось, что стену удастся в некоторых случаях прошибить своим лбом, то великий князь Николай Николаевич,—эта «кавалерийская косточка», как его называли товарищи по оружию,—предпринял в начале войны вновь шаги к разубеждению Николая II в святости «отца Григория» путем личного, родственного воздействия на монарха.

Николай Николаевич, впрочем, считал, что ему особенно легко достичь желанного по той простой причине, что он был, как и царь, мистиком-спиритом и вместе с тем лицом, представившим ему в 1906 году, вместе с женой своею Анастасией (тогда еще невестой), их бывшего фаворита о. Григория. Так как близкое знакомство с ним скоро раскрыло глаза Николаю Николаевичу на истинную сущность рекомендованного им царю «подвижника», то великий князь, сознав свою ошибку, стал тревожиться, как бы она не стала роковой для династии. Время настало грозное:—война с превосходившим своей военной культурою неприятелем; положение главнокомандующего всеми боевыми силами внушало чувство широкой ответственности перед народом: народ знал, что при дворе творится некое «непотребство» под влиянием Гришки Распутина!..—И великий князь, как главнокомандующий на фронте, решил обезопасить тыл удалением от царя виновника такого «непотребства».

Сказано—сделано!—и вот, в конце 1914 года, Николай Николаевич, через посредство своего управляющего хозяйственной частью дворца полковника Балинского, обращается к директору департамента полиции С. П. Белецкому с просьбой дать сведения о порочных наклонностях Распутина, «так как, по словам полковника Балинского, великий князь решил определенно поговорить с государем об удалении Распутина из Петрограда»¹⁾.

Получив просимые сведения, почерпнутые С. П. Белецким из имевшейся у него лично на руках филерской сводки о скандальном поведении Распутина, в. кн. Николай Николаевич отправился немедленно к своему «высокому тезке» и «умолял, заклинал царя,—как пишет Палеолог,—прогнать гнусного мужика»²⁾, несколько раз возобновляя попытку. Ничего не вышло.

«На святых всегда клеветут».

¹⁾ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин». Изд. «Былое». П., 1923 г., стр. 13.

²⁾ М. Палеолог. «Распутин», стр. 28.

«Распутин—святой».

«На Распутина клеветают».

Перед этим силлогизмом главнокомандующий русскими армиями оказался еще немогшее, чем перед вражескими немецкими полчищами.

Этот пример, однако, оказался слишком заразительным для остальных членов семьи Романовых.—«Вы знаете, В. М.,—разоткровенничался как-то старый вел. кн. Николай Михайлович пред В. М. Пуришкевичем,—что почти вся наша семья Романовых подала государю записку о Распутине, прося взять бразды правления над Россией в свои руки и прекратить вмешательство в государственные дела императрицы Александры Федоровны, во всем инспирируемой этим хлыстом; из записки, как и следовало ожидать, конечно, ничего не вышло. Я ее даже не подписал.. Я сделал иначе: получив серьезное поручение от государя и выполнив его, я написал доклад.. Хотите... я вам прочту этот доклад».—В. М. Пуришкевич выразил желание его прослушать, и Николай Михайлович прочел ему «небольшую, но очень сильно и резко написанную записку, в коей обращалось внимание государя на то, что в случае дальнейшего вмешательства Александры Федоровны и Распутина в государственные дела, династии грозит гибель, а российской империи—катастрофа»¹⁾.

Результатом этого доклада, как известно, явилась «немилость» царя к Николаю Михайловичу, «опала» и «полное охлаждение» к нему фанатичного апологета «святости» Распутина.

После всех этих афронтов «высочайших лиц», безрезультатными, само собой разумеется, оказались и попытки других сановных противников Распутина разоблачить последнего в глазах столь слепо в него веровавшего.—Повидимому, уж слишком подходящим, уж чересчур соблазнительным для этого оказался такой повод, как «исторический» в своем роде скандал, учиненный 26-го марта 1915 года Распутиным в московском ресторане «Яр».

На этом скандале стоит остановить наше внимание потому, что Распутин предстает в нем перед нами во весь свой гигантский рост распоясанного «святого», охмелевшего до последней степени и обнаглевшего во хмелю до полного, казалось бы, выявления своего настоящего «лика».

Он приехал в Москву—как он сам «раззвонил»—побуждаемый к тому благочестивым порывом:—помолиться в Кремле на могиле

¹⁾ «Убийство Распутина» (Из дневника В. Пуришкевича). М., 1923 г., стр. 81—82.

патриарха Гермогена, во исполнение обета, данного год перед этим, когда, раненый, он находился при-смерти.

О том, как он исполнил утром этот обет на патриаршей могиле — история умолчала. — О том же, как он ужинал вечером в «Яре», заговорила вскоре вся Москва.

Как передавал Палеологу один из родственников московского градоначальника Адрианова, «с Распутиным были два журналиста и три молодые женщины, из которых по крайней мере одна принадлежала к лучшему обществу Москвы. Ужин начался около полуночи. Было много выпито. Балалаечники исполняли национальные мотивы. Сильно разгоряченный, Распутин принялся рассказывать с диничным воодушевлением о своих любовных похождениях в Петрограде, называя по фамилиям женщин, которые ему отдавались, раздевая их одну за другой, сообщая о каждой какую-нибудь интимную особенность, какую-нибудь смешную или скабресную подробность»¹⁾.

До каких откровенностей доходил иногда этот «старец», мы знаем хотя бы из копии протокола показаний б. перомонаха Илюдора, (привлекавшегося по ст. 103 бывш. Уголовного Уложения), в каковых показаниях приведены повидимому «общие места» рассказов «старца» о своей придворной карьере.

«Царь и царица, — хвастал обычно Распутин, — становились передо мной на колени и целовали мои ноги. Государь называл меня Христом, императрица во всем слушалась меня. Когда я прихожу, она кладет голову на плечо ко мне. Я беру ее на руки свои, жму ее и на руках ношу ее. Я хожу по дворцу, как по своему дому. Для меня всегда открыты двери в детскую царской семьи» и т. п.

После ужина вслед за оркестром балалаечников появился женский хор. Показывая певичкам жилет, вышитый «старушкой» (так называл Распутин Александру Федоровну), пьяный «старец» тут же прибавил про «самодержицу всея России»:

«Я делаю с ней всё, что хочу»²⁾.

Начав с жилета, Распутин кончил тем, что «сбросил с себя платье и предстал перед хором в таком виде, что все хористки потребовали немедленного его удаления, заявив при этом, что они петь не

¹⁾ М. Палеолог. «Распутин», стр. 31.

²⁾ Там же, стр. 31.

будут. Распутин на это ответил: «В царской семье я показывался, может быть, еще в более интересном виде»¹⁾.

По сведениям пристава 2 уч. Сушевской части г. Москвы подполковника Семенова, *поведение* Распутина в эту ночь «приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он, будто бы, обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде: «люби бескорыстно» и пр.²⁾. Поднялся невероятный скандал. Присутствовавшие настаивали на составлении протокола. «Приехал градоначальник Адрианов и стал успокаивать хор и просить не составлять протокола, так как это не понравится царской семье»³⁾.

По другим источникам, генерал Адрианов хотел доложить царю о скандале, но дворцовый комендант генерал Воейков не допустил его до этого, и Адрианов обратился тогда к генералу Джунковскому, пользовавшемуся правом непосредственного доклада Николаю II, исходатайствованным ему еще Н. А. Маклаковым.

Джунковский, ярый противник Распутина, несколько раз уже пытавшийся представить его в надлежащем свете «пред очами императора», был рад, конечно, воспользоваться адриановскими сведениями об инциденте в «Яре», чтобы окончательно скомпрометировать «старца», столь оригинально исполнявшего обет молитвы в Москве на патриаршей могиле.

Николай II, не доверяя, как и следовало ожидать, «навелам» на «святого», поручил произвести дополнительное следствие по этому делу своему любимому адъютанту (интимному фавориту царицы) Саблинну.

Последний, как это ни было ему тяжело, должен был всецело подтвердить справедливость показаний Джунковского и Адрианова.

Что тут было делать? Факты оказались, несмотря на «высочайшую волю», неопровержимы.

Тогда Николай II, Александра Федоровна и ее «знаменитая» подруга Анна Вырубова решили втроем, что «адские силы расста-

¹⁾ «Бирж. Вед.» от 8-го марта 1917 г. См. заметку «За что ушел в отставку генерал Джунковский».

²⁾ См. «совершенно секретное» и «личное» доношение начальника «отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве» Мартынова от 5-го июня 1913 г. за № 291834 товарищу мин. вн. дел Джунковскому.

³⁾ «Бирж. Вед.» от 8-го марта 1917 г.

нили их святому другу страшную ловушку и что «божий человек» не отделался бы так дешево без божьей помощи»¹⁾.

После этого приверженцам династии Романовых, желавшим, наперекор всему историческому ходу развития революции в России, спасти во что бы то ни стало и какую угодно ценой эту несчастную династию, осталось только одно:—убить *Распутина*.

Первым, кто хотел это сделать из числа *верноподданных* Николая II, был ялтинский градоначальник, известный в свое время черносотенец типа Держиморды — генерал Думбадзе. С. П. Белецкий передает, что во время его управления департаментом полиции при министре Н. А. Маклакове, когда семья Романовых вместе со «старцем» находилась в Ливадии, Думбадзе послал «лично» Белецкому шифрованную телеграмму, гласившую. «Разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту». Белецкий передал эту телеграмму «в собственные руки Н. А. Маклакова», который, как выяснилось в дальнейшем, не дал ей никакого хода. Один из планов убийства Распутина, по справке впоследствии Белецкого, состоял у автора этого плана в следующем: над Ялтой высится скала, на которой построил одним московским купцом «железный замок»; Думбадзе думал завлечь туда Распутина и сбросить его вниз. Второй план Думбадзе состоял в «разбойном нападении» на «старца». Третий план, согласно его телеграмме Белецкому,—убить Распутина на катере по дороге его в Ялту и сбросить труп в море.

О покушении на жизнь Распутина в селе Покровском, организованном, как утверждают некоторые, «самим» Илиодором (инспирировавшим якобы Хионцию Гусеву), — покушением, только случайно не удавшемся, к искреннему огорчению многочисленных врагов «старца», мы уже говорили вскользь, и нет нужды, пожалуй, в нашем кратком очерке возвращаться к подробностям этого «путанного» дела.

Автором третьего по счету покушения на жизнь «богоспасаемого» Григория Ефимовича история определенно называет бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова, оказавшегося столь обязанным в своей карьере Распутину и столь, увы, неблагодарным своему покровителю, как это видно из показаний самого Хвостова Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства в 1917 г. 2) По словам Белецкого, «избавление от Распутина,—как полагаю

¹⁾ М. Палеолог. «Распутин», стр. 33.

²⁾ «Падение режима»,—стенограф. отчеты вопросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезв. Следств. Комиссии Врем. Правительства. Редакция П. Е. Щеголева. Госуд. Изд. 1924 г. т. I, стр. 2—33.

Хвостов — очистит атмосферу около трона, внесет полное удовлетворение в общественную среду... умиротворит настроение Государственной Думы и подымет в глазах общества, Думы и Совета наш престиж»¹⁾, т.-е. престиж той самой власти, которую допустила к «кормилу правления» воля того же Распутина... Благодаря предательству хитрого Белецкого, бывшего конфидентом Хвостова (на правах соучастника в деле «очищения атмосферы около трона»), предательству, обусловленному высокомерием Хвостова, не посчитавшегося с личным самолюбием своего сподвижника, — грандиозный план этого убийства, наемными руками афериста-охранника Ржевского, остался неосуществленным, а сам Хвостов — в отставке.

Прикопчить житие «святого», в продолжение стольких лет спасавшего своими «подвигами» чету «благочестивейших» Романовых и его присных, сподобились, наконец князь, Ф. Ф. Юсупов (граф Сумароков-Эльстон) и В. М. Пуришкевич, при пособничестве вел. кн. Дмитрия Павловича, доктора С. С. Лазаверта и поручика С.—«Старца» заманили на такую вкусную приманку, как красавица кн. И., в Юсуповский дворец, накормили там отравленными пирожными, напоили отравленным вином, а когда цианистый калий не оправдал ожидавшейся скорости действия, — «святого» застрелили, раздробив ему вдобавок голову тяжелой гирей.

Повидимому, сам бог, который столько раз спасал эту «драгоценную» жизнь, — и тот разочаровался современным в достоинствах «святого», а разочаровавшись, отказался наконец, не взирая на горячие молитвы Романовых, от всяческой небесной охраны.

Убили «святого», а на другой день, по проницанию судьбы, все газеты, словно сговорившись²⁾, огласили, что убили какую-то собаку.

«Собаке—собачья смерть», говорили ничего не понимавшие читатели газет и почитатели Распутина. «Собаке—собачья смерть», повторяли они, и никто из них, конечно, не только не прослезился, но даже не перекрестился.

¹⁾ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин», стр. 73—74.

²⁾ Таково было распоряжение главы управления по делам печати.

II.

Ж и Т и Е.

Каждому святому подобает делать чудеса. Ни один порядочный святой не может обойтись без них. «Делать чудеса»—это, можно сказать, функция святого, по которой главнейшим образом и квалифицируется каждый святой.

Распутин тоже делал «чудеса» и делал их изрядно много. Не прославь он себя «чудесами», стал бы разве Николай II так упорно и горячо считать его за «святого», несмотря на целый ряд разубеждений со стороны его верноподданных и даже его кровно-близких.

Как делал «чудеса» Распутин, мы рассмотрим в одной из следующих глав; в этой же мы сперва ознакомимся, *какие* чудеса ему приписывались, т.-е. в чем именно эти чудеса состояли.

Собственно говоря, «чудес» в жизни Распутина было так много, что, при прилежном изучении его биографии, начинаешь видеть в ней не просто жизнь прославленного смертного, а как бы *жизни* замечательного *чудотворца*.

И правда! Разве всё его «обращение» на «путь истины», его головокружительная карьера, его мировая слава, его отдельные, исторически-незабвенные «подвиги»,—разве всё это не *чудеса* в наш «просвещенный век» и разве цель этих чудес не представляется каким-то «житием», еще не включенным в наши Четы-Минен?

В главнейших чертах «житие» сие, согласно имсущимся данным¹⁾ представляет собою следующий ряд приснопамятных для «православных» событий.

Григорий Ефимович Распутин родился в селе Покровском, Тюменского уезда Тобольской губернии, в 1863 г. У отца его, Ефима Васильевича, земледельца и рыбакова, был, повидимому, некоторый достаток: так, известно, что он был собственником встриной мельницы.

¹⁾ Данные эти, кроме монографий о Распутине, вышедших отдельными изданиями, я почерпнул из рассказов старца о самом себе, сообщенных Илиодору (См. «Святой чорт»), из целого ряда газетных заметок (1911—1917 г.), где использовано, в частности, «Житие», составленное самим Распутиным и хранившееся долгое время у Лохтиной, из показаний А. Н. Хвостова Чрезв. Следств. Комиссии в 1917 г. (назв. соч.) и из переписки Николая и Александры Романовых.

Маленький Грища, росший среди девственной природы далекой Сибири, уже в отрочестве глубоко задумывался о тайнах бытия и о боге.

«В 15 лет,—вспоминал он много лет спустя¹⁾,—в моем селе, в летнюю пору, когда солнышко тепло грело, а птицы пели райские песни, я ходил по дорожке и не смел идти по середине ее... Я мечтал о боге... Душа моя рвалась в даль... Не раз мечтая так, я плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они. Постарше, с товарищами подолгу беседовал я о боге, о природе, о птицах... Я верил в хорошее, в доброе... и часто сиживал я со стариками, слушая их рассказы о житии святых, о великих подвигах, о больших делах, о царе Грозном и многомудровом... Так прошла моя юность... В каком-то созерцании, в каком-то сне... И потом, когда жизнь коснулась, дотронулась до меня, я бежал куда-нибудь в угол и тайно молился... Неудовлетворен я был... На многое ответа не находил... И грустно было... И стал я попивать»...

Пьянство, как известно, до добра не доводит, и из благочестивого отрока вышел в конце концов не верный помощник своему отцу в хозяйстве, а блудодей, табокур, вор и хулиган, которого нередко колотили почтенные отцы семейств и даже неоднократно, по приказанию исправника, наказывали розгами. Бывало, едет он за хлебом или за сеном в Тюмень (что в 80-ти верстах от села Покровского), а возвращается домой ни с чем, без денег, пьяный, избитый, а часто даже без лошадей.

Но вот, к 30-ти годам, на многогрешного Григория нисходит благодать, изменяющая всю его жизнь.

Случилось это так:

Однажды пришлось Григорию отвезти в Тюмень студента духовной академии, монаха Мелетия Заборовского, ставшего впоследствии ректором Томской духовной семинарии. Студент-монах во время этой поездки произвел на Григория своей благочестивой беседой такое впечатление, что он тут же «одумался», покаялся и вскоре круто изменил образ жизни.

С этого времени (с 1893 г.) и начинается, собственно говоря, «житие» старца Григория — житие, сразу же отмеченное чудесами.

Так, «во время молотбы, когда над его святостью смеялись домашние, он воткнул лопату в ворох зерна и, как был, пошел по

¹⁾ См. беседу с Распутиным П. М-ва в «Новом Времени» 1912 г. № 1290 «У Григория Распутина».

святым местам. Ходил целый год. Много видел, много слышал. Пришел домой... в хлеву у себя выкопал пещеру и молился там богу две недели. Через некоторое время пошел опять странствовать. Повелел это ему... св. Симеон Верхотурский. Он явился ему во сне и сказал: «Григорий! Иди, странствуй и спасай людей». Он пошел. На пути в одном доме он повстречал чудотворную икону Абалакской божьей матери, которую монахи носили по селениям. Григорий заночевал в той комнате, где была икона. Ночью проснулся, смотрит, а икона плачет,—и он слышит такие слова: «Григорий! я плачу о грехах людских; иди, странствуй, очищай людей от грехов их и снимай с них страсти» ¹⁾).

Григорий послушался приснившейся ему иконы и пошел странствовать.

Где он только не был на богомолье?—и в Верхотурье, и в Саровской пустыни, и в Одессе, и в Киеве, и в Москве, и в Казани, и даже в Петербурге. Возвратившись из своего долгого странствования, он стал еще богомольней, чем раньше, доходя до того, что при молитвах в церкви, на глазах всего народа, бил лбом о пол до крови.

С этого времени стал Григорий уже не говорить, а изрекать, подолгу задумываясь прежде, чем подарить ответом. И ответы его, загадочные, отрывистые, стали походить на пророчества и чтение в сердцах людских. «Три месяца, до самого Покрова, не будет дождя», сказал однажды Григорий. И что же?—Так и случилось: не было дождя, и люди плакали от неурожая. Когда весть об этом пророчестве достигла до Петербурга, аскет о. Феофан, будучи тогда еще инспектором духовной академии, в умилении произнес: «Вот вам и Илья пророк, заключивший небс на три года с месяцами»,—и стал ждать с тех пор случая узреть своими глазами пророка.

Григорий был уже женат ко времени своего просветления, награжденный от супруги Прасковии сыном Дмитрием и дочками Матреной и Наталией. Долго не верила Прасковья, по «темноте душевной», в святость своего благоверного; скоро, однако, и ей пришлось убедиться в даре прозорливости и подвижничества своего «обращенного» мужа.

¹⁾ «Святой чорт» (Записки о Распутине), бывш. пер. Илюдора (Сергея Труфанова). Изд. Голоса Минувшего». М., 1917, стр. 24.

Слава сего праведника стала вскоре распространяться далеко за пределами села Покровского. Особенно девушки и женщины, как наиболее отзывчивые и чуткие по сравнению с мужчинами, стали следовать за Григорием, как за «старцем», властным спасти человеческие души.

Преисполненный духа отшельничества, любил святой старец удаляться на молитву в окружавшие село Покровское леса, взбираться на деревья и водружать на них кресты во славу божию. Ходили за ним вслед сюда и его поклонницы, которых он любовно звал своими «сестрами». Все они по большей части были молодые, красивые, страстно веровавшие и искавшие спасения девушки. Круто молился с ними старец в лесной тишине и, с убаженным молитвою сердцем, горячо деловал их, обнимал, ласкал, а нередко, в восторге подвижническом, и плясал с ними вместе, радуя тем бога и милуя сестер.¹

Правда (много врагов в мире даже и у праведников!), жаловались односельчане Григория начальству, будто губит он деревню порчей девок и что много уже изб, куда бедные подбрасывают новорожденных младенцев. Слава старца, однако, от этого не только не потускнела, а еще ярче разгорелась.

И стали к нему вскоре приезжать в Покровское со всех сторон России, а кто приехать не мог, засыпали его письмами и телеграммами, прося благословения, заступничества перед богом или совета. И были среди них послания и от важных генералов, и от великосветских дам, и даже от архиереев.

В 1903 г. вступил отец Григорий и в широкий свет.

Случилось это после знакомства старца с купчихой Башмаковой, с коей встретился он на одном богомолье, куда прибыла Башмакова, только что похоронившая мужа. Святой старец утешил ее, и привязалась она сердцем к нему, не жалея на добрые дела своего миллионного состояния. Повезла его купчиха знакомить с близкими ей людьми сначала в Казань, потом в Киев, Москву и, наконец, в Петербург, где старец произвел на о. Иоанна Кронштадтского огромное впечатление¹) и получил от него напутствие помогать людям, служа как бы правой рукой о. Иоанна²).

Хотя о. Иоанн Кронштадтский и был тогда вхож во дворец, но не через него, однако, сподобился «царь-бабушка» свести знакомство

¹) «Русское Слово» от 21-го декабря 1916 г.

²) «Святой чорт», стр. 24.

с «отцом Григорием», а через ректора духовной академии о. Феофана, которого глубоко чтили вел. князь Николай и Петр Николаевичи, а еще больше их жены Анастасия (Стана) и Милица Николаевны, взгляды коих на «божьих людей» разделяли глубоко-верующие в них царь и царица. Отца же Феофана познакомил с «божьим человеком» Григорием архимандрит Хрисанф Щетковский, бывш. начальник корейской духовной миссии, приехавший из Сибири и потому хорошо знавший о чудесных подвигах своего земляка.

Так, через о. Феофана и через вышенареченных великих княгинь, царица, а за ней и царь узнали вскоре про отца Григория, к знакомству с которым они были, впрочем, подготовлены еще богобоязненными и взыскующими чуда друзьями, среди коих не последнее место занимали Христа-ради юродствовавшая жена действительного статского советника Ольга Владимировна Лохтина и подруга ее — любимейшая фрейлина Александры Федоровны — Анна Александровна Вырубова (дочь бывш. обер-гофмейстера и главноуправляющего канцелярией Николая II — А. С. Танеева).

О знакомстве царицы со «старцем» близкие к придворным кругам люди передавали в свое время, как об умирительном событии, в коем сразу же царице дано было свыше почувствовать чудотворную силу отца Григория.

Анна Вырубова, горячо уверовавшая к тому времени в старца, не захотела познакомить его с Александрой Федоровной в обычной дневной обстановке официального приема, а, желая испытать чуткость царицы, привезла отца Григория в Царскосельский дворец поздно вечером, где оставила гостя в «малой приемной», наказав придворной прислуге привести его ровно к полуночи в салон «ее величества».

Сказано — сделано.

Сели вечерком царица с Вырубовой поиграть в четыре руки «Лунную сонату» Бетховена, всегда умилявшую до слез наболевшую душу Александры Федоровны, а уж время шло к полуночи... Рядом, в полуосвещенную комнату тихо был введен отец Григорий и, согласно уговору, стоял неподвижно в дверях, впевив взор свой в царицу, сидевшую за роялем спиной к дверям.

Часы пробили полночь...

¹⁾ Сравн. фельетон «Петр. Газ.» от 23 марта 1917 г. «Анна Вырубова и Григорий Распутин».

— Не чувствуешь ли, Сана, что происходит нечто особенное? — спросила Вырубова, медленно поворачивая голову в сторону отца Григория.

— Да, — ответила царица, невольно подражая движенью головы своей подруги, и вдруг, в ужасе от неожиданности, вскрикнула и забилась в истерике.

Царица приняла святого старца за видение...

Он подошел к ней ласково и начал гладить ее голову, щеки и плечи, приговаривая: «Не бойся, милая, Христос с тобою»...

Царица пришла в себя и тут же, поняв, *кто* перед нею, вся в слезах, припала к груди своего высокого гостя ¹⁾.

Так совершилось это историческое, чреватое своими последствиями и для России, и для Романовых знакомство.

Не менее чудодейственное влияние испытал и Николай II при ближайшем знакомстве со старцем.

«Было раз так, — рассказывал об этом времени о. Феофан б. иеромонаху Илиодору. — Государь, государыня с наследником на руках, я и он сидели в столовой во дворце. Сидели и беседовали о политическом положении России. Старец Григорий вдруг как вскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя. Государь вздрогнул, я испугался, государыня встала, наследник заплакал, а старец и спрашивает государя: «Ну что? Где ёкнуло? Здесь, али тут?» — при этом он сначала указал пальцем себе на лоб, а потом на сердце. Государь ответил, указывая на сердце: «Здесь; сердце забилося!» — «То-то же», — продолжал старец: — «Коли что будешь делать для России, спрашивай не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума...» Государь сказал: «Хорошо», а государыня, поцеловав его руку, произнесла: «Спасибо, спасибо, учитель» ¹⁾.

С тех пор царь и царица обрели в отце Григории советника, слову которого они стали верить, как ущеми слову божьему.

Особенно же горячо и скоро привязалась душой к старцу царица Александра Федоровна, на которую ласки его произвели раз навсегда неотразимо-благодостное впечатление.

Оно и понятно, ежели принять во внимание чуткость и покорность женской души по сравнению с мужской, а также то немало-важное обстоятельство, что отцу Григорию дан был от бога дар пре-

¹⁾ «Святой чорт», стр. 7.

имущественного спасения *женских* душ, чрез унижение их гордыни, очищения их от скверны, снятия с них страстей, особливо же дар изгнания из грешниц *блудного беса*.

Об этом, в частности же о последнем чуде, столь прославившем житие святого отца, надлежит сказать здесь несколько вразумительных слов.

Дар спасенья женщин, через унижение, обрел в себе старец еще задолго до появления своего в царских чертогах, а именно в родном своем селе, куда стекались из высшего света именитые и богатые паломницы, прослышавшие о чудесах отца Григория.

— Я видел их гордость, — объяснял потом старец¹⁾. — Они считали себя превыше всех... Золото, бриллианты и деньги туманили их ум... Ходили как павы... Думали, что весь свет для них... Все остальные ничто... Я полагал, что надо их смирить... унижить... Когда человек унижится, он многое постигает... Я хотел, чтобы они пережили всё это... И вот, в этом диком заблуждении, я заставил их идти с собой в баню... Их было двенадцать женщин... Они мыли меня и перетерпели все унижения.

Побывав в 1911 г. в Иерусалиме²⁾, о. Григорий обратил там

¹⁾ См. беседу с Распутиным И. М.—ва в «Новом Времени» 1912 г. № 12908 — «У Григория Распутина».

²⁾ О своем путешествии в Иерусалим Распутин написал впоследствии книгу *«Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам»*. Ч. I. Петроград, 1915 г. Книжка снабжена двумя портретами; на одном из них Распутин изображен растрепанный в рубашке, на постели, после покушения на него в Сибири. Книга эта в продаже не появилась. Вот некоторые из «мыслей» Распутина, напечатанных в этой книге: «В настоящее время, как у греков, все епископы грамотные и боголепие соблюдают и служат, но нищеты духа нет, а народ только и идет за нищетою духа, толпами пойдет за ней, потому что боголепие высоко, а нищета духа выше» (Стр. 28). Повели нас за Патриарший Двор, стали умывать ноги. Боже, какая восстает в уме картина. Умывают ноги, утирают полотенцем и полились слезы у верующих, все изумлены глубиной поучения, как нас учат смиряться» (Стр. 35). «Иордан речка небольшая, обросла кустарниками и мелким лесом, купальни нет, просто с берега купаются» (Стр. 42). «У православных, когда зазвонят и идешь в храм, то и ногами Пасху хвалишь» (Стр. 54) и т. п. Из афоризмов-же Распутина, попавших в печать, стали известны следующие:—«А почему у вас праведных чувствуем приятно? Потому что жизнь их — страдание; как Христос страдал и после его страданья была Пасха». — «Да не зли беса, то он поедет на тебе, потому что люди тут неготовые заняты гуляньями». — «Рай построен для изгнанных правды». — «Скорби весь этикет вышибут, — бес остался ни с чем» и т. п. (См. «Петерб. Газету» 1914 г. № 90 «Афоризмы Распутина»).

сугубое внимание на унижительный обряд *умовения ног*, совершаемый в «великий четверг на страстной седмице», о чем писал царице: «Золотые мои малютки, достиг град свят... напишу о всей церемонии умыли ноги я расскажу приеду вы истинные мои боголюбивые вы хотя без вас умыванье ног господи гроб это такая радость» и пр.¹⁾.

Неудрено, что старец обратил в Иерусалиме главное внимание на этот обряд, ибо одною из любимых им мер, для видшего унижения «прекрасного пола», было, как известно, принуждение гордых красавиц мыть ему ноги (чему пример явил, — как он воочью видел — сам Иисус Христос), при чем при умовеньи ног своих отец Григорий, совершенно голый, заставлял обычно и женщины раздеваться до-нага, дабы, в муках голизны своей, грешницы сильнее почувствовали высшее смирение. — «А может ли быть больше унижения для женщины, — справедливо говорит отец Григорий, — когда она, будучи сама обнаженной до полной наготы, моет ноги голому мужчине»²⁾.

Когда же, для унижения женской гордыни, и это средство оказывалось недостаточно, — старец прибегал к телесному наказанию, имея пред собой «евангельский» пример Христа, изгнавшего однажды вервием торгующих из храма. Так, осталось памятным, как, среди многих случаев, отец Григорий, выйдя из публичного дома в Казани, где он просвещал души женщин, принужден был бичевать своим *поясом* бежавшую перед ним голую девицу³⁾.

Умерщвляя он истязанием и плоть своих привержениц в с. Покровском Александры и Ирины Дубровиных, преждевременно скончавшихся на пути спасения⁴⁾.

Пояски отца Григория, оберегавшие от бед путем бичеванья, стали впоследствии (в 1915 г.), украшенные молитвами, оберегать, как слышал о том Ал. Эр. Пистелькорс (верный царский слуга), и русских воинов от вражеских пуль. Царица с любовью раздавала подобные пояски офицерам, ехавшим на войну, так как твердо верила, что опоясанные ими всегда оберегались на поле брани от смерти⁵⁾.

1) «Святой чорт», стр. 35.

2) «Распутинство и общество великосветских дам» — статья академика Бехтерева в «Петроград. Газете» от 20 марта 1917 г.

3) М. Палеолог. «Распутин». Воспоминания. Изд. «Девятое Января» М., 1923 г., стр. 9.

4) «Петрогр. Газета» 21 декабря 1916 г. «Из жизни Распутина».

5) Письмо Александры Федоровны к Николаю II от 20-го сентября 1915 г. (См. Переписка Романовых. Гос. Изд., 1923 г.).

В случаях же менее злостных проявлений женской гордыни, святой отец обыкновенно находил достаточным «шлепанье ладонью по голому телу», о чем между прочим поведала на исповеди о. Феофану одна из усмирявшихся старцем девиц¹⁾.

Все эти данные, однако, бледнеют перед теми чудесами, какие достигались отцом Григорием во врачевании блудных страстей путем поцелуев, объятий, прикосновений особого рода, а главное — путем совокупления, ради совершенного изгнания из одержимых женщин блудного беса. Власть изгонять бесов, — признавался святой старец, — была дана ему самим господом богом за усиленные подвиги поста и молитвы.

— «Мне прикоснулся к женщине, — объяснял он непонятливому Илиодору, — все равно, что к чурбану. У меня нет похоти. И дух бесстрастия, во мне сущий, я передаю им, а они от этого делают чище, освящаются»²⁾.

Много женщин «осветилось» через отца Григория, так много, что и не перечесть всех. И были среди них всех возрастов и различного общественного положения; но особенно много «осветилось» молодых и богатых, в коих блудный бес, как известно, особенно властно дает о себе знать рядом с духом гордыни.

Правда, многие из этих «освященных», не понимая должным образом божьей милости, на них снизошедшей, жаловались на якобы растление, обидное для них лишение целомудрия и даже поругание их женской стыдливости. Но большинство, должным образом оценивавшее свою близость к святому отцу, радовалось, поучая устами О. В. Лохтиной, что «ничего здесь неладного нет; для святого — всё свято»³⁾ и, — в благородном возмущении от кривотолков, — стыдило со-

¹⁾ «Святой чорт», стр. 81. — О том, как Распутин смирял гордыню фрейлины А. А. Вырубовой, мы знаем между прочим из сообщения А. Н. Хвостова, сделанного им Чрезв. Следств. Комиссии в 1917 г. — «Она делала помы его кафтана!.. Он всячески над нею надругивался: например, привозил к ней уличных женщин, свою кухарку, какую-нибудь судомойку, грязную публичную женщину, — всех он привозил, которые ему понравятся, всех он привозил к ней в гости, чтобы укрощать ее гордыню, — всех заставлял угощать, кормить, чтобы смирить ее гордость!.. Он заставлял ее делать все, что ему было угодно». — См. «Падение режима». Стен. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезв. След. Комиссии Временн. Правительства. Ред. П. Е. Щеголева т. I. стр. 28.

²⁾ «Святой чорт», стр. 65.

³⁾ «Святой чорт», стр. 81.

мневавшихся, вопрошая: — «Что, отец Григорий такой, как все люди, что ли? Люди делают грех, а он тем же только освящает и низводит благодать Божию»¹⁾.

Относясь к сим подвигам порою, как к *подвигам любви*, святой отец и сам почерпал в них, по собственному признанию, новую для себя силу.

— Без любви и силы своей лишаясь, — говорила он Е. Ф. Джанумовой, противившейся его ласкам, — и ты отнимаешь от меня силу мою.

— Почему вы не соглашаетесь принадлежать ему? — спрашивала сию строптивницу полковница Б. — Разве можно отказать такому святому? — «Неужели же святому нужна грешная любовь? Какая же это святость, если ему нужны женщины?» — «Он всё делает святым и с ним всякое дело святое», — не задумываясь, заявила полковница — «Да неужели же вы согласились бы?» — «Конечно, я принадлежала ему и считаю это величайшей благодатью.» — «Но ведь вы замужем, как же муж?» — «Он знает это и считает это великим счастьем. Если отец пожелает кого, мы считаем это величайшей благодатью, и мы, и мужья наши, если у кого есть мужья. Теперь мы все видим, как он мучится из-за вас. Я решила всё вам высказать от имени всех почитательниц отца, просить вас не мучить еще больше святого отца, не отклонять благодати»²⁾.

Подобно ученым отцам Западной церкви, знавшим, что «*diaboli virtus in lumbis*», т.-е. что «прелесть (добродетель) дьявола скрывается в ляшках», и о. Григорий, несмотря на свою неискушенность в науке, хорошо был осведомлен, где именно прячется в женщинах мучающий их блудный бес. Отсюда именно и изгонял он властво лукавого, не заботясь о суетном чувстве приличия у спасаемой им, подобно тому, как не заботится о том и мудрый гинеколог, врачующий пациентку от тайного недуга.

Знал «мудрый» старец не только, где скрывается блудный бес у женщин, но и чем именно можно изгнать его из места его пребывания.

В этом отношении трогательные воспоминания сохранил нам о святом бывш. перомонах Илиодор, некогда горячо в него веровавший.

Была в Царицыне, — рассказывает он, — Еленушка, жена извозчика, молоденькая, полненькая и очень симпатичная бесноватая

¹⁾ «Святой чорт», стр. 81.

²⁾ Е. Джанумова. «Мои встречи с Распутиным». II Изд. Петроград. 1923 г. стр. 30.

Зашли однажды к ней в дом Илиодор и святой старец. Илиодор начал служить молебен, а Еленушка упала на землю и стала биться, пока не впала в обморочное состояние. Перенесли ее на постель.

— А ты знаешь, где у нее бес? — спросил отец Григорий Илиодора.

— Да где? Как и у других: вот здесь под ложечкой...

— Нет! У нее — блудный бес. Слушай-ка, дружок, ты ездай домой, а я беса... того, выгоню.

— Как выгонишь?

— А ты как бы его изгонял?

— Да как? Известно: молитвой, крестом да водой.

— Нет, так этого беса не выгонишь. Его нужно, проклятого, вот чем ¹⁾.

Как трудился в этом направлении отец Григорий, буквально себя не жалея, показывает случай исцеления, явленный им над одной богатой царицынской купчихой, лет 50-ти с лишком, «здоровой и полной», как характеризует ее Илиодор. Вот что рассказывает последний об этом замечательном чуде:

— В главных комнатах огромного купеческого дома «старец» схватил за грудь хозяйскую невестку, женщину лет 32-х, очень смазливую и очень привлекательную. Невестка как-то странно вскрикнула и убежала от старца.

Григорий и говорит: — здесь, в этих комнатах, беса нельзя выгонять; надо выбрать более укромное место.

Пошли в другое помещение, состоявшее из четырех маленьких комнаток; одна комната была совсем маленькая: в ней стояла только одна большая кровать. «Старец» сказал: — вот здесь хорошо беса выгонять. Повели туда «больную». Она начала трястись и мычать. Вошел в ту комнату и «старец», закрывши за собою двери.

Я с мужем больной остался в зале и начал его, как мог, утешать.

В комнате поднялась страшная возня. Тянулась она долго. Я начал нервничать. Не вытерпел, заглянул в дверь сквозь стекло и увидел такую картину, что, крайне смущенный, прямо-таки отскочил от дверей.

¹⁾ «Святой чорт», стр. 77—78.

Минут через пять вышел из «кабинета» и «старец». Вид его был ужасно усталый, он тяжело дышал. — Ну брат, вот бес, так бес. Фу, какой большой. Во как я уморился! Мотри, вся сорочка мокрая. Устал, заснула и она...

Когда «старец» это говорил, несчастный муж плакал, а я, искренно веривший в бесноватых, как о них в евангелии написано, думал: действительно, бесов трудно изгонять ¹⁾).

Пришлось ли о. Григорию, среди его многочисленных подвигов при дворе, явить и чудо изгнания блудного беса из самой царицы, — нам к сожалеению не дано узнать из непосредственных свидетельств. Сам же старец на этот счет отзывался чаще намеками; так, он говорил Илиодору: — я царицу на руках носил, — *давил, прижимал, целовал...*²⁾. — «Когда я бываю у царей, я целые дни провожу в спальне у царицы... Целую ее, она ко мне прижимается, кладет на плечи мне свою голову, я ее ношу по спальне на руках, как малое дитя. Это ей нравится. Так я делаю часто, часто» ³⁾. — *«Я делаю с ней все, что хочу,»*⁴⁾ и пр.

Правда, говоря о своих отношениях к царской дочке Ольге, «старец» более открыто касался своих прошлых отношений к Александре Федоровне. Он распространял всюду слух, — говорит министр А. Н. Хвостов в своем показании Чрезв. Следств. Комиссии, — что он с Ольгой в близких отношениях... Он говорил: *«Мать мне надоела: — я с дочкой Ольгой. Так он неоднократно позволял себе это говорить,»* — подчеркивает А. Н. Хвостов ⁵⁾.

Зная крайне чувственный характер Александры Федоровны, можно и без заверения о. Григория предположить, что царице приходилось порою страдать от блудного беса, ища избавления от оногo в освящающих объятиях великого чудотворца.

На *«половую возбудимость»* царицы обратил внимание и биограф ее Вл. Канторович, отмечающий в своем труде «Александра Федоровна Романова», что, «прожив двадцать лет с мужем, она не перестает быть во власти эротических воспоминаний и образов, которые порою

1) «Святой чорт», стр. 76.

2) С. П. Белецкий. «Григорий Распутин». Издательство «Былое». Петроград, 1923. См. Приложение «Гриша», стр. 95.

3) «Святой чорт», стр. 26.

4) М. Палеолог «Распутин». Воспоминания. Изд. «Девятое Января». М., 1923, стр. 31.

5) «Падение режима»; стр. 39 (курсив наш, Н. Е.).

вытесняют все остальное» ¹⁾. Она «знала об измене мужа» с Вырубовой, — говорит Канторович, — но роль советницы и тут осталась за ней. *Откровенные рассуждения царицы на тему об отношениях Вырубовой к мужу*, и наоборот, Николая к ней, поражают своей противоположенностью. Цинизм, атрофия нравственного возмущения, последняя степень равнодушия к своему собственному достоинству — только этими причинами объясняет Канторович поведение царицы ²⁾, не допуская, впрочем, мысли о «физической связи» ее с о. Григорием ³⁾.

Мысль эту, однако, помимо сказанного, в значительной, пожалуй, степени допускает переписка Александры Федоровны со своим благоверным, отдельные места которой, воочию обнаруживая чувственность царицы, выдают вместе с тем и ее пристальный интерес к половому вопросу. «Целую без конца каждое дорогое любимое местечко», пишет она Николаю II 21 сентября 1914 г. «Целую тебя еще и еще, очень нежно, все мои любимые местечки», повторяет она снова в письме от 26 января 1915 г. и т. п. Одно из писем, где царица «жаждет показать» придворным трусам «свои бессмертные штаны» ⁴⁾, кончается нескромным предложением: «Понюхай это письмо» ⁵⁾. Другое — кончается словами: «Ах, тяжело расставаться! Мне так грустно сегодня ночью — я так горячо тебя люблю» ⁶⁾. Через 10 дней после этого *ночного* томления, она уже прямо, без обиняков, начинает свое послание признанием: «Какое счастье знать, что послезавтра я буду держать тебя крепко в своих объятиях» ⁷⁾, и т. п. Читатель «Переписки Николая и Александры Романовых» не может, наконец обойти вниманием и тот педантизм, с каким царица *ежемесячно* оповещала мужа о наступлении женского недомогания, «словно говоря о нем, как о «приходе инженера-механика»!

О пристальном же и несколько болезненном интересе царицы к тому органу, коим святой отец обыкновенно творил чудеса изгнания

¹⁾ См. «Былое» № 22, 1923 г., стр. 216.

²⁾ См. «Былое», стр. 223.

³⁾ См. «Былое», стр. 233.

⁴⁾ На мне надеты невидимые «брюки», — хвастает царица своей *мужественностью* в письме от 22-го августа 1915 г.

⁵⁾ От 23 авг. 1915 г. Зная повидимому ценность, какую придавала царица обонятельным впечатлениям, наследник ей писал однажды, что «*papa* (Николай II) много и долго сегодня утром *волил*, — лежа вместе с ним в постели, где, по словам дая, ужасно уютно спать друг возле друга. (См. письма от 7 окт. и 6 окт. 1915 г.).

⁶⁾ От 27 февраля 1915 г.

⁷⁾ От 9 марта 1915 г.

блудного беса, говорит достаточно красноречиво такая, напр., выдержка из письма Александры Федоровны от 20 ноября 1914 г.: «Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами... они едва ли останутся мужчинами в будущем, так всё пронизано пулями, быть может, придется всё отрезать, так всё почернело, но я надеюсь спасти, — страшно смотреть, — я всё промыла, почистила, помазала иодином, покрыла вазелином, подвязала, — всё это вышло вполне удачно, — мне приятнее делать подобные вещи самой под руководством врача. Я сделала три подобных перевязки, — у одного была вставлена туда *трубочка*. Сердце кровью за них обливается, — не стану описывать других подробностей, так это грустно, но, будучи женой и матерью, я особенно сочувствую им. Молодую сестру (девушку) я выслала из комнаты... ¹⁾».

Ни одну из операций, в бытность свою сестрой милосердия, царица не описывает с такими подробностями своей *собственной* работы («всё промыла, почистила, помазала... покрыла... подвязала...»). Нигде, в других ее письмах, мы не находим, при описании помощи оперируемым или больным, признания, что ей «*приятнее*» делать подобные вещи (при которых стыдливо высылается из комнаты молодая девушка) *самой*. Нигде, наконец, в переписке ее с мужем, касаясь тех или иных операций или болезней, царица не выражает столь горячего сочувствия *жены* и *матери*, как здесь, в отношении кастрированных войной и кастрируемых хирургом мужчин. Говоря, что быть «*может придется всё отрезать*», она пишет тут же: «но я надеюсь *спастись*»; — не хирург (заметьте!), не наука — надеется она — спасет половые органы оперированных, а *она*, у которой, как у *жены*, «сердце кровью обливается» за мужчин, могущих перестать быть ими.

Невольно возникает вопрос: да нужно ли вообще было присутствие царицы при таких операциях, при которых надлежало высылать из комнаты молодых девушек? И почему в самом деле царице было *приятнее*, по ее словам, «делать подобные вещи» *самой*?

А что она, повидимому, часто доставляла себе такие «приятности», подтверждает ее кокетливая приписка к письму от 28/29 ноября 1914 г., где царица, посылая привет (Н. П. Саблину) другу ее благоверного, сообщает им обоим: «Рада, что вам, двум старым греш-

¹⁾ Центральн.: «Переписка Николай и Александры Романовых 1914-1915 г.» т. III, Гос. Изд. 1923 г., стр. 55.

никам, посчастливилось увидеть хорошенькие личики ¹⁾, мне чаще приходится видеть иные части тела, менее идеальные».

Мешала ли царице в таких случаях женская застенчивость? А если и мешала раньше, то во имя *кого* она подавляла ее, при своих разъездах по военным госпиталям?

На этот вопрос ясно отвечают следующие строки из письма ее к Николаю II от 28 ноября 1914 г.: — «Наш Друг желает, чтобы я разъезжала, а потому я должна подавить свою застенчивость».

«Наш Друг» — это отец Григорий, «наш Друг» — это тот, чье желание «преследует» царицу, *знающую*, что «неисполнение его может стать роковым для нас и всей страны» ²⁾.

Вопрос об «освящении» царицы старцем, стало быть, зависел только от *желания* последнего. Желание его, надо думать, стояло в зависимости от чувственного характера царицы. Чувственный же характер обуславливается, как мы знаем с его слов, «блудным бесом», могущим быть изгнанным только через чудо, коим старец не пренебрегал ради спасенья даже простых смертных.

Мог ли он не проявить этого «чуда» в отношении чувственной царицы, всё время «преследуемой», по ее словам, желанием святого старца.

Тайна сия велика есть.

Переходя к другим чудесам, прославившим «святого старца» и укрепившим его *исключительное* положение у трона, надлежит тут же заметить, что ввиду изрядного количества этих чудес, мы можем в этом кратком описании «жития святого» коснуться только некоторых из них, наиболее примечательных.

Начнем с ознакомления с чудом, непосредственный свидетель какового, чуждый веры до сего в чудеса, оставил нам о нем печатное воспоминание.

У Е. Ф. Джанумовой, находившейся в 1915 г. в Петрограде, тяжело заболела в Киеве ее любимая племянница Алиса.

Старец Григорий, в одно из своих посещений Е. Ф. Джанумовой, неожиданно узнал, что больная при-смерти и что тетушка, столь правившаяся святому, должна в тот же день уехать на юг.

«Тут произошло что-то странное, — пишет Джанумова в своем дневнике, от 26 ноября, — чего я никак объяснить не могу. Как ни

¹⁾ В Кубанском женском институте (См. письмо Николая II от 25 ноября 1914 г.).

²⁾ Письмо Александры Федоровны от 11 июня 1915 г.

стараюсь понять, ничего придумать не могу. Не знаю, что это было. Но я изложу всё подробно, может быть потом когда-нибудь подыщутся объяснения, а сейчас одно могу сказать — не знаю. Он взял меня за руку. Лицо у него изменилось, стало как у мертведа, желтое, восковое и неподвижное до ужаса. Глаза закатились совсем, видны были только одни белки. Он резко рванул меня за руки и сказал глухо: — «Она не умрет, она не умрет, она не умрет». Потом выпустил руки, лицо приняло прежнюю окраску. И продолжал начатый разговор, как будто ничего не было... Я собиралась вечером выехать в Киев, но получила телеграмму: «Алисе лучше температура упала». Я решила остаться еще на день. Вечером к нам приехал Распутин... Я показала ему телеграмму: — «Неужели ты этому помог?» — сказала я, хотя, конечно, я тому не верила. — «Я же тебе сказал, что она будет здорова», — убежденно и серьезно ответил он. «Ну, сделай еще раз так, как тогда, может быть она совсем поправится». — «Ах, ты, дурочка, разве я могу это сделать? То было не от меня, а свыше. И опять это сделать нельзя. Но я же сказал, что она поправится, чего ж ты беспокоишься». Я недоумевала. В чудеса я не верю, но какое странное совпадение: Алиса поправляется. Что это значит? Лица его, когда он держал за руки, я никогда не забуду. Из живого оно стало лицом мертвеца, — дрожь берет, как вспомню»¹⁾.

Другое чудо исцеления, — за истинность которого говорит текстуральное описание его С. П. Белецким *со слов самого чудотворца*, — еще более замечательно, так как может быть рассматриваемо, как воскрешение из мертвых, происшедшее на глазах царя и царицы.

Чудо это было явлено отцом Григорием на возлюбившей рабе его Анне Вырубовой, пострадавшей при железнодорожной катастрофе между Петроградом и Царским Селом в 1913 г.

«Будучи в бредовом горячечном состоянии, — пишет С. П. Белецкий²⁾, — не открывал все время глаз, А. А. Вырубова повторяла лишь одну фразу:

— Отец Григорий, помолись за меня!

Узнав о тяжелом положении Вырубовой со слов графини Витте, и не имея в ту пору в своем распоряжении казенного авто-

¹⁾ Е. Джанумова. «Мои встречи с Распутиным». II. Изд. «Петроград». 1923, стр. 27 — 28.

²⁾ С. П. Белецкий. «Григорий Распутин». Издательство «Былое». Петроград, 1923, стр. 21 — 22.

мобилия, Распутин воспользовался любезно предложенным ему графинею Витте ее автомобилем и прибыл в Царское Село в приемный покой лазарета, куда была доставлена А. А. Вырубова женщиною-врачом этого лазарета княжною Гедройц, оказавшей на месте катастрофы первую медицинскую помощь пострадавшей. В это время в палате, где лежала А. А. Вырубова, находились государь с государыней, отец А. А. Вырубовой и княжна Гедройц. Войдя в палату без разрешения и ни с кем не здороваясь, Распутин подошел к А. А. Вырубовой, взял ее руку и, упорно смотря на нее, громко и поведительно сказал ей:

— Аннушка! проснись, поглядь на меня!

И к общему изумлению всех присутствовавших, А. А. Вырубова открыла глаза и, увидев наклоненное над нею лицо Распутина, улыбнулась и сказала:

— Григорий — это ты? Слава богу!

Тогда Распутин, обернувшись к присутствовавшим, сказал:

— Поправится!

И, шатаясь, вышел в соседнюю комнату, где и упал в обмороке. Придя в себя, Распутин почувствовал большую слабость и заметил, что он был в сильном поту».

«Я ясно представлял себе, — справедливо замечает С. П. Белецкий, — какое глубокое и сильное впечатление эта сцена «воскрешения из мертвых» А. А. Вырубовой Распутиным должна была произвести на душевную психику ¹⁾ высочайших особ, воочию убедившихся в наличии таинственных сил благодати Провидения, пребывавшей на Распутине, и упрочить значение и влияние Распутина на Августейшую семью» ²⁾.

Мог ли сей чудотворец-целитель не иметь влияния в этой «августейшей семье», где родители непрестанно дрожали над здоровьем и жизнью их кровоточивого детища — наследника престола!.. ³⁾.

Не только находясь вблизи наследника, но даже на далеком от него расстоянии, о. Григорий одинаково чудотворно врачевал его недуги.

¹⁾ «Душевная психика» — характерная для невежественного Белецкого тавтология («Записки» этого сановника поражают вообще своей неграмотностью, в особенности — синтаксической).

²⁾ С. П. Белецкий, «Григорий Распутин». Стр. 22.

³⁾ Наследник Алексей страдал, как известно, *гемофилией*, считающейся характерным признаком дегенерации.

Однажды (в 1912 г.), уезжая на родину (куда он часто отлучался, радея о благоустройстве своего имения), старец сказал родителям наследника: «Я знаю, что злые люди подкапываются под меня. Не слушайте их. Если вы меня покинете, вы потеряете в течение шести месяцев вашего сына и вашу корону». Царица воскликнула: «Как можем мы тебя покинуть? Разве ты не единственный наш покровитель, наш лучший друг!» И, преклонив колени, просила ее благословить. И вот однажды юный наследник, возвращаясь с прогулки в лодке на озере, плохо рассчитал свой скачок на берег и ушиб себе бедро о борт лодки. Контузия сначала казалась легкой и невинной. Но через 2 недели, 1-го октября, появилась опухоль в паху, бедро распухло, затем внезапно поднялась температура. Доктора Федоров, Деревенко, Раухфус, поспешно вызванные, определили кровяной нарыв, кровяную опухоль и начинающееся заражение крови. Надо было немедленно произвести операцию, но предрасположение ребенка к кровотечению исключало возможность надреза. Между тем температура с каждым часом всё поднималась. 21-го октября температура дошла до 39,8°. Родители не выходили из комнаты больного, ибо врачи не скрывали своего беспокойства. В церкви, в Спале, попы сменялись для молитвы днем и ночью. По распоряжению царя, торжественная литургия была отслужена в Москве перед иконой Иверской Богоматери. Утром 22-го октября царица в первый раз сошла в салон, где собрались: дежурный адъютант Нарышкин, дежурная фрейлина княгиня Елизавета Оболенская, Сазонов, прибывший для доклада царю, и начальник царской охоты в Польше граф Владислав Велепольский. Бледная, похудевшая Александра Федоровна, однако, улыбалась. На обращенные к ней тревожные вопросы она ответила спокойным тоном: «Врачи не констатируют еще никакого улучшения, но лично я уже не беспокоюсь. Я получила сегодня ночью телеграмму от отца Григория, которая меня совершенно успокоила». Затем она прочитала телеграмму: «Бог воззри на твои слезы и внял твоим молитвам. Не печалься. Твой сын будет жить»¹⁾.

Это был, в противоположность своим разным предшественникам, истинно-современный чудотворец своего века: — святой «века пара и электричества», — умевший для своих чудес так же хорошо пользоваться телеграфом, как и телефоном.

¹⁾ М. Палеолог. «Распутин». Воспоминания. Изд. «Дев. Янв.». М., 1923 стр. 17 — 19.

Об использовании, в частности, последнего «изобретения» ради исцеления того же наследника, Е. Джанумова отметила в своем дневнике (от 28 ноября 1915 г.) следующий случай. — Сидит отец Григорий у нее в гостях; вдруг, звонок телефона! — говорят из Царского. Он подходит: — «Что? Алеша не спит? Ушко болит? Давайте его к телефону».

Жест в нашу сторону, чтобы мы молчали.

— Ты, что, Алешенька, полуношничаеть? Болит? Ничего не болит. Иди сейчас ложись. Ушко не болит. Не болит, говорю тебе. Слышишь? Спи.

Через пятнадцать минут опять позвонили. У Алешки ухо не болит. Он спокойно заснул.

— «Как это он заснул?» — «Отчего же не заснуть? Я сказал, чтобы спал». — «У него ведь ухо болело». — «А я же сказал, что не болит». Он говорил со спокойной уверенностью, как будто иначе и быть не могло ¹⁾.

Мог ли он не говорить «со спокойной уверенностью» в таком сравнительно пустячном случае, когда его чудотворным заклинаниям подчинялись порой даже стихии природы! — По крайней мере о таком чуде заклинания нам ясно говорит письмо царицы от 22 декабря 1915 г., совпавшее с туманами, мешавшими русским войскам на одном из фронтов великой войны.

«Наш Друг всё молится и думает о войне, — пишет в этом письме к мужу царица. — Он говорит, чтоб мы Ему тотчас же говорили, как только случается что-нибудь особенное, — она ²⁾ Ему сказала про туман, и Он сделал выговор, что Ему этого не сказали тотчас же, — говорит, что туманы больше не будут мешать» ³⁾.

Подобными чудесами, молитвами, видениями и вещими снами старец, начиная с 1906 года, — когда он проник в царскую семью для спасения династии от грозившей ей революции ⁴⁾, — настолько укрепил свое положение у трона в качестве *посланца небес*, что благословенная чета Романовых и помыслить не могла, к концу своего царствования, обойтись без помощи, советов или руководства этого замечательного чудотворца.

¹⁾ Е. Джанумова. «Мои встречи с Распутиным». Стр. 28 — 29.

²⁾ А. А. Вырубова.

³⁾ Центральные архивы «Переписка». Гос. Изд., 1923 г., стр. 506.

⁴⁾ См. Предисловие С. П. Мельгунова к «Святому чорту» Илиодора, стр. XII.

Особенно хорошо понимала это значение о. Григория для блага династии чуткая и ревнивая в вопросах веры царица Александра Федоровна. — «Слушайся нашего Друга, — наставляла царица царя, — верь ему, его сердцу дороги интересы России и твои. Бог не даром его нам послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова, — они не говорятя на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы ¹⁾».

Что кроме молитв и советов святого старца важно было также иметь под рукой и некоторые священные предметы от него, — Николай II мог хорошо убедиться, держа при себе палку о. Григория (с изображением рыбы и птицы) и его чудесную гребенку, спасительную в «минуту жизни трудную».

«Не забудь причесаться маленькой гребенкой», — телеграфирует царица мужу 15 сент. 1915 г. «Не забудь перед заседанием министров... несколько раз расчесать волосы Его гребнем», — напоминает рассеянному супругу Александра Федоровна в письме от 15 сент. 1915 года. «Иду поставить свечу. Бог да поможет тебе. Не забудь про гребенку», — вновь телеграфирует она в ставку 16 сент. 1915 г.

Если столь велика была вера царицы в ту или иную вещь, на которую нисходила благодать чудотворца, — легко представить себе, как горячо она верила в него самого, вплоть до его мученической кончины, каковую царица сочла лишь переходом его из царского чертога в божеский.

«Мой дорогой мученик, дай мне твое благословение, чтобы оно постоянно сопровождало меня на скорбном пути, который мне остается пройти здесь, на земле. И вспоминай о нас на небесах в твоих святых молитвах» ²⁾. — Таково было послание царицы к почившему о. Григорию, заботливо вложенное в руки старца при положении его во гроб.

Однако просьба царицы к покойному мученику оказалась, как мы знаем, тщетной, ибо сказано было некогда старцем, что, пока оч жив, и царская семья будет жива, а погибнет он, — погибнут и Романовы.

Так и случилось, по слову пророка, в назидание неверующим!

¹⁾ Письмо от 10 июня 1915 г.

²⁾ М. Палеолог. «Распутин». Воспоминания. Стр. 103.

III.

ЦАРЬ И БОГ.

Не трудно заметить, что среди «чудес», приписываемых Распутину, одни из них отнюдь не чудеса, а лишь вполне естественные проявления разнузданной похоти, как, например, излюбленное «старцем» «изгнание блудного беса»; о других мы знаем только со слов самого «чудотворца» — заносчиво-хвастливого в своей саморекламе; некоторые из «чудес» легко объясняются удачными совпадениями с предсказаниями «старца» (известно, что при *осторожном* пророчестве, всегда имеется шанс сбывчивости его не менее, чем на 50⁰/₀); целебные «чудеса» Распутина, в огромном большинстве не что иное, как действие гипноза; наконец некоторая, крайне ничтожная часть этих «чудес», известная при далеко не выяснившейся обстановке их проявления, другими словами — группа недостаточно проверенных объективно «чудес», — эта часть, если только имеются данные видеть здесь так называемую «телепатию», получает равным образом некоторое объяснение в новейших трудах по психо-физиологии, опирающихся частично на аналогию нашего мозга с радио-аппаратами.

Мы еще вернемся к тайне «чудотворного» *влияния* Распутина в последней главе настоящего очерка.

Здесь же, помимо сказанного, ограничимся лишь указанием, что это «чудотворное влияние» простиралось главнейшим образом на царскую семью, вызывая скептическое к себе отношение в огромном большинстве камарильи, брезгливо-завистливой к «грязному фавориту».

Объяснение этому легко найти хотя бы в том впечатлении, какое должен был производить на привыкшего к вежливости, подобострастию и лести «самодержца» не считавшийся ни с каким придворным или просто светским этикетом грубый и смелый до наглости крестьянский «пророк».

Совершенно невозможно представить себе, чтобы в так называемом «приличном», трезвом обществе кто-либо из присутствующих дерзнул ударить по столу так, чтобы у хозяина сердце дрогнуло! — Распутин же, как нам известно, прибег к подобному «маневру» в присутствии Николая II чуть ли не в первый же день их знакомства, и сделал это с таким вызывающим видом, который сразу же должен был *смутить* непривыкшего к тому монарха.

Смутить, озадачить, опарашить, застигнуть врасплох того, кого собираешься подчинить своему влиянию—это уже пол-победы в виду намеченной цели. Достигнуть такого успеха в отношении «простых смертных», выдавших «всякие виды» и потому редко поддающихся смущающим уловкам—довольно трудно, какой бы высокий пост ни занимал кто либо из «простых смертных». — На «царя» же, «помазанника божьего», «неограниченного монарха», словом на Николая II, воспитанного в тепличной атмосфере императорского дома Романовых, такие выходы «простеца», тут же корявым языком дающего свои, быть может, и непрошенные вовсе советы,—должны были производить впечатление какой-то неотразимой «противоположной» мощи!

Раз поддавшись такому «влиянию», и царь, и царица оказались как бы замороженными этой странной личностью, для которой им казалось—никакие законы не писаны, кроме «божеских»!

Подле, ко времени зрелости со «старцем», всевозможных религиозных предрассудков, суеверий, «примет» и т. п., с непрестанным страхом за свою жизнь и в особенности за здоровье хворого наследника, внемлющие всяким мистико-спиритуалистическим бредням¹⁾, вместе с тем обуреваемые похотью, не вяжущейся с ханжеской моралью, Николай II и Александра Федоровна нашли, наконец, в Распутине того «Друга» и *господина* их мыслей и чувств, которого так долго не хватало *рабским* душам этих властителей над шестой частью земного шара.

Распутин же, если не сразу, то все же очень скоро понял положение, в какое ставила его психическая неуравновешенность его высоких покровителей, и сумел сделать отсюда выводы, открывавшие ему доступ к целому ряду «чудес» в сфере государственного правления Российской империи.

Поистине, в «этой сфере» Распутин стяжал себе куда большее право на звание *чудотворца*, чем в сфере мистико-религиозной.

«Царский лампажник», как его официально титуловали во дворце, о. Григорий, на первых же порах своей придворной карьеры, стал в действительности ближайшим *царским советником*, ходатаем за царя перед богом и *посредником* между этими почтенными правителями.

Очень верную, сравнительно, характеристику *роли* Распутина, в этот первый период его «государственной» деятельности, даст нам хорошо знавший «старца» С. П. Белецкий.

¹⁾ Достаточно вспомнить о французском духовидце Филиппе, гипнозу которого Россия обязана скандалом с лже-родами императрицы.

«Войдя в высочайший дворец, — пишет он, — при поддержке разных лиц, в том числе покойных гр. С. Ю. Витте и кн. Мещерского, возлагавших на него свои надежды с точки зрения своего влияния в высших сферах, Распутин, — пользуясь всеобщим бесстрашием, основанным на кротости государя, ознакомленный своими милостивцами с особенностями склада мистически настроенной натуры государя, во многом по характеру своему напоминавшего своего предка Александра I, — до тонкости изучил все изгибы душевных и волевых наклонностей государя, сумел укрепить веру в свою прозорливость, связав со своим предсказанием рождение наследника и закрепив на почве болезненного недуга его высочества свое влияние на государя путем внушения уверенности, все время поддерживаемой в его величестве болезненно к тому настроенной государыней, в том, что только в нем одном, Распутине, и сосредоточены таинственные флюиды, врачующие недуг наследника и сохраняющие жизнь его высочества, и что он как бы послан провидением на благо и счастье августейшей семье»¹⁾.

Став, как «прозорливец», *persona grata* в чисто семейных делах дома Романовых, Распутин очень скоро и вполне естественно становится пред «царскими очами» и «прозорливцем» в делах государственных. — Хотя П. Г. Курлов, защищающий, в своих воспоминаниях, царя и Распутина от «злостных слухов», и утверждает, что в назначении высших сановников Распутин «в то время» совершенно не вмешивался, однако и он признает, что «мнение его (Распутина) о том или другом человеке не оставалось без влияния, при громадном доверии к нему царя и наклонности последнего к мистицизму, особенно, когда государь по своему убеждению или по каким-нибудь другим причинам колебался при выборе или назначении какого-нибудь лица»²⁾.

Но одно дело — давать советы, когда за ними обращается лицо, нуждающееся в них, другое дело — давать их без всякого за ними обращения. В последнем случае советник — как нетрудно заметить — из консультанта становится уже *руководителем* другого, хотя и продолжает облекать свои указания этому другому в форму «советов».

Не надо быть психологом, чтобы ясно понять, как легко и просто, сравнительно, человек, внушающий другому мысль о своей спаситель-

¹⁾ С. П. Белецкий, «Григорий Распутин». Стр. 20.

²⁾ «Конец русского царизма», стр. 185.

ной для него миссии (путем ряда чудес, пророчеств, исцеления и т. п.), становится современем для этого другого не только ближайшим советником, но и верховным руководителем, не только «другом», но и «господином».

Такое положение — вернее говоря, такой именно тайный *post* «руководителя» — и занял при царе современем Распутин, обласканный монархом и прежде всего его «благочестивейшей супругой» в качестве «святого». «Император царствует, но управляет императрица: . . . *Под указку Распутина*». Вот подлинные слова С. Д. Сазонова в день оставления им поста министра иностранных дел (3 августа 1916 г.), сказанные при прощальном визите французскому послу Палеологу ¹⁾.

Принято думать, что, в то время как Николай II считал «советы» о. Григория внушаемыми ему богом, — «советы» эти на самом деле исходили от небольшого круга сановных лиц, не брезговавших пользоваться положением «святого» для своих чисто карьеристических и наживных целей.

Этот взгляд проходит красной нитью в целом ряде газетных заметок и памфлетов, посвященных Распутину как при его жизни, так и после его смерти. Этот же взгляд доминирует и в литературные труды, выясняющих роль и значение знаменитого «старца». Так С. П. Мельгунов считает Распутина «слепым орудием дельцов и аферистов», «простой игрушкой в руках темных дельцов старой монархии»²⁾. Палеолог склонен думать, что Распутин действовал под влиянием «шайки банкиров и скомпрометированных спекулянтов, Рубинштейна, Мануса и пр.», которые «снюхались с ним и щедро заплатили ему»; «по их указаниям», — мнится Палеологу, — Распутин «посылает записки министрам, банкам, всем влиятельным лицам»³⁾ и т. д.

Этот взгляд на роль Распутина может быть оспариваем и не без основания. По крайней мере, начиная с 1911 г. — года ожесточенной борьбы Распутина с епископом Гермогеном и с Илиодором — можно легко убедиться, хотя бы из истории этой же борьбы, что Распутин, без всякого влияния с чьей бы то ни было стороны, сам, по собственной инициативе, умел отменно (по своей жестокости) отстоять шкурные интересы и провести на деле чисто *личную* директиву. Стоит лишь перелистать последнюю главу «Святого чорта» б. иер. Илиодора, чтобы в этом совершенно убедиться, с какой бы

1) М. Палеолог. «Распутин». Стр. 85.

2) См. Предисловие к «Святому чорту» Илиодора.

3) М. Палеолог. «Распутин». Стр. 79.

осторожностью мы ни подходили к «страшной книге» мятежного монаха. В этом же нас утверждает и переписка Николая II и Александры Романовых, особенно те письма 1915 года, где речь идет о смещении вел. кн. Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего. «Старец» знал, что Николай Николаевич *его*, Распутина, заклятой враг; этого было совершенно достаточно, чтобы сделать его в глазах царицы, а затем и царя врагом «помазанника божия», интриганом, узурпатором власти, чуть не крамольником. В этом мстительном намерении, так же, как и в проведении его в жизнь, Распутину никто не подсказывал ни образа мыслей, ни образа действий. Ничьей «игрушкой» он здесь не был, а тем более «слепым орудием», как выражается С. П. Мельгунов.

Началось ли *самодержавие Распутина*. . . с низвержения Николая «большого» (т.-е. вел. кн. Николая Николаевича), — как это думает М. Н. Покровский ¹⁾ — или раньше, об этом можно конечно спорить; бесспорно только то, что в одии, далеко не прекрасный для России день, это *самодержавие* «сибирского авантюриста» стало вполне реальным фактом, на веки опозорившим и без того несчастный дом Романовых.

Распутин видел ясно, что дом Романовых — несчастный дом, ибо он возглавлялся ограниченным, слабовольным монархом, находившимся под влиянием вздорно-истеричной, недоброй, тщеславной и не-русской царицы.

Прокинув в этот «дом», как в *свой*, извлекая из него огромные для себя выгоды и привилегии и чая еще бóльшие, — Распутин связал себя с царской семьей узами более прочными, чем кровные, связал себя с *судьбой* этой семьи, отлично понимая, что счастье ее — *его* счастье, что в тот день, как не станет Николая II и Александры Романовых, — не станет и его, Григория Распутина.

Сибирскому авантюристу нужно было захватить бразды правления в *свои* руки по той простой причине, что они находились в слишком ненадежных руках неудачливого монарха, который не знал ни своего народа, ни его ближайших правителей так, как их знал *по своему* прозорливый Распутин, с трепетом внимавший нарастающим волнам великой революции.

¹⁾ См. его предисловие к «Переписке Николая и Александры Романовых 1914 — 1915 г. г.», стр. 15.

Он дрожал за трон, в страхе народного гнева, — дрожал потому, что свил себе слишком теплое и прочное, казалось ему, гнездо в самом укромном местечке этого трона:

Отдалить революцию, грозившую иррикончить его «славные дни Аранжуэда», не дать ей разыграться и пасть на его собственную голову — было в прямых интересах Распутина. Достигнуть этого он мнил, в своей «мужицкой» простоте, укреплением твердыни царского *самодержавия*. И если царь не знал, как лучше всего пользоваться своей прерогативой, — Распутина, в их общих интересах, оставалось одно: взглянуть на царскую прерогативу, как на собственную. — Отсюда в сущности и начинается *самодержавие Распутина* под маскою *самодержавия* Николая II.

Мы знаем, со слов С. П. Белецкого, что, «при каждой смене министра внутренних дел или председателя совета, поднимался вопрос о материальном обеспечении Распутина, какое исключало бы возможность проведения им дел, во многих случаях, сомнительного характера»¹⁾; знаем, что министр А. Н. Хвостов и тот же Белецкий выдавали Распутину ежемесячные субсидии, имевшие целью подкуп «старца» в их карьеристических целях; знаем, что целый ряд аферистов и просто ходатаев за себя и других делали изрядно-крупные подношения Распутину в виде подарков, пожертвований и т. п., предназначенных «старцем» отчасти на дела благотворительности (ради широкой популярности), отчасти же на перестройку и обставление дома в с. Покровском, улучшение своего хозяйства и прочие «собственные нужды».

Но, зная всё это, мы тем не менее глубоко поражаемся той близорукости, с какой подобные Палеологу или С. П. Мельгунову современники Распутина взирали на последнего как на подкупленного агента Германии, как на какого-то «мошенника», которого банкирам Манусам и Рубинштейнам легко удавалось обращать взяткой в «слепое орудие» их финансовой политики.

Распутин, отнюдь не брезгуя «чужими» деньгами²⁾, был разумеется гораздо требовательней, чем это полагали в своей наивности и тот же посол Франции, и многие другие. Хитрому «старцу» нужна была прежде всего безопасность трона, негласно им самим занимае-

¹⁾ С. П. Белецкий «Григорий Распутин», стр. 63.

²⁾ Он даже поучал Александру Федоровну: — «если будут предлагать большие суммы (с тем, чтобы получить награды), их нужно принимать, так как деньги очень нужны» (См. Письма А. Ф. от 3-го ноября 1915 г.)

мого, нужно было укрепление царского престижа, вот-вот готового рухнуть под угрозой полчищ Вильгельма II, нужно было спасти царя, а главное себя, себя самого, связанного с царем и его казною, сулившими куда большие блага, чем те, что были в распоряжении какого-то Мануса, который «обеспечивал связи с Бердином». — Вот где надо искать причину поворота Александры Федоровны, находившейся под полным влиянием Распутина, в сторону сепаратного мира с Германией (намек на который мы находим уже в письме царицы от 17-го апреля 1915 г., где она цитирует Николаю II последние своего брата вел. герцога Эрнста-Людвига с предложением «начать строить мост для переговоров»).

Что ко времени войны 1914 — 1916 г. г. Распутин окончательно овладел директивой всей государственной и церковной жизни России и что Идиодор, называя его «неофициальным русским царем и патриархом»¹⁾, не слишком фантазировал, в этом теперь — после опубликования целого ряда документов, относящихся к эпохе «распутиновщины» — нам не приходится, пожалуй, сомневаться ни в малейшей степени.

За недостатком места в настоящем очерке для планомерных доказательств сказанного, мы ограничимся лишь несколькими фактами, как наиболее яркими и несомненными примерами *самодержавия Распутина*.

О том, что в делах церкви Распутин стал для духовенства «царь и бог», мы можем заключить не только из земных поклонов В. К. Саблера, отвешенных Распутину за назначение обер-прокурором Синода, не только из победы Распутина над еписк. Гермогеном и т. п., но и непосредственно со слов самой царицы Александры Федоровны, из письма которой (12 ноября 1915 г.) мы узнаем, что от Распутина действительно зависело назначение любого из удобных «старцу» пастырей на любой из высших постов, кончая митрополитским! — «Душка, — пишет «благочестивейшая» Николаю II, — я забыла рассказать тебе о Питириме, экзархе Грузии... он человек достойный и великий молитвенник, как говорит наш Друг (т.-е. Распутин).. Он (Распутин же) просит тебя быть твердым, так как Питирим единственный подходящий человек. У Него (Распутина) нет никого, кого бы он мог рекомендовать на место Питирима... Затем Он просит тебя немедленно назначить Жевахова помощником Волжина. Он...

¹⁾ Op. cit., 94.

в совершенстве знает церковные дела. — *Это твоё желание*, — ты повелитель».

Поистине отменны, по своему цинизму, последние слова А. Ф.: «*это твоё желание*». — Так «желал», оказывается, когда нужно было Распутину, самодержцу «всей России» Николай Александрович.

Легко представить себе, в каком дурацком положении оказались при этом назначении — *improbiti*, министр внутренних дел А. Н. Хвостов, со своим кандидатом — архиепископом тверским, и С. П. Белецкий, с своей рекомендацисей епископа могилевского, — претендентами на кафедру митрополита, получившими «санкцию» от самой «всемогущей», казалось бы, А. А. Вырубовой ¹⁾.

«Когда Распутин умер, — пишет Белецкий, — я был в день его похорон вечером у владыки (Питирима), и тут я понял, насколько велик был для него шепт Распутинца» (курсив наш, Н. Е.) ²⁾.

Об этом гнете можно судить хотя бы по тому, что даже в таких важных, с религиозной точки зрения, вопросах, как, напр., «всероссийский крестный ход», — и здесь даже Распутин ухитрился вырывать инициативу из рук того, кому она по праву, казалось-бы, принадлежала.

— Он тебя *настоятельно* просит, — пишет про Распутина царица своему супругу 12 июня 1915 г., — *поскорее* приказать, чтобы в один определенный день по *всей стране* был устроен всероссийский крестный ход с молением о даровании победы... пошли свое приказание по телеграфу (открыто, чтобы все могли прочесть) Саблеру... Пусть приказание исходит от тебя, а не от Синода.

Замечательны эти выражения в письмах Александры Федоровны: «просит тебя немедленно» (подчеркнуто!), «настоятельно» (подчеркнуто!) и «поскорее» (подчеркнуто!), передающие царю волю истинного «монарха». Николаю II не дается даже времени обсудить хорошенько, подумать, пораскинуть умом. Истинному самодержцу некогда да и не охота валандаться с тугодумным царем, и он шлет ему свои внушения через подручную, то-бишь царицу, в порядке боевого приказа.

Правда, бывали случаи и неповиновения Николая II истинному самодержцу России; так, однажды он позволил себе иметь собственное мнение в выборе министра внутренних дел (вместо Щербатова), и почему-то воспротивился сначала назначению Хвостова, бывшего

¹⁾ С. П. Белецкий, *op. cit.*, 38.

²⁾ *Ibid.*, 40.

другом Распутина. Но эти случаи были сравнительною редкостью и временное «пеновиновенье» обычно быстро ликвидировалось внушениями царицы, под диктовку Распутина. «Гр. (Григорий)... дал нам понять, что Хвостов подойдет», — писала Александра Федоровна Николаю 16 сент. 1915 г. «Я 4 раза тебе телеграфировала о Хвостове», напоминает она мужу на следующий день (17 сент.), «но ты не ответил». Она пишет ему вновь и вновь, пока не добивается исполнения воли *того*, чье «желание ее преследует» (по ее собственным словам).

Назначение А. Н. Хвостова, наконец, состоялось. Казалось бы, что «старцу» осталось только радоваться «царской пляске под его дудку». Но не тут-то было! — «самодержец» раскапризничался: зачем назначили в его отсутствие!

«Не только я и А. Н. Хвостов, — пишет С. П. Белецкий об обеде, данном в честь вернувшегося из поездки Распутина, — но и кн. Андроников и Червинская, хорошо его знавшие, были поражены происшедшею с ним переменою: в нем было гораздо больше, чем ранее, апломба и уверенности в себе. Первыми же своими словами Распутин дал нам понять, что он несколько недоволен тем, что наше назначение состоялось в его отсутствии, и это подчеркнул князю, считая его в том виноватым. Однако, оказалось, что этот упрек и Хвостов и Андроников предвидели, и князь с успешной любезностью парировал этот удар, рассыпаясь в комплиментах и изъявлении чувства благодарности за его поддержку наших назначений, и трогательно благодарил его за приезд именно теперь на первых шагах нашего вступления в должность, так как отныне его советы и поддержка при дворе поставят нас на правильный путь и охранят от ошибок, которые нам могут быть поставлены в счет на верху и т. д.» ¹⁾

Царь и его холопы. — Вот подпись, какую хочется поставить под этой картиною пресмыкательства и низкопоклонства перед зазнавшимся царским «лампадником».

«Меня царским лампадником зовут, — говорил Распутин. — Лампадник маленькая шишка, а какие большие дела делает!.. Захочу, так пестрого кобеля губернатором сделаю. Вот какой Григорий Ефимович» ²⁾.

¹⁾ Op. cit. 28.

²⁾ «Петр. Листок», от 30 марта 1917 г. «Фабрика администраторов Распутина и Комп.». — А. М.

Он не только участвовал в консультации с министрами («Наш Друг виделся с Барком, и они хорошо поговорили в течение двух часов», — пишет царю 11 мая 1915 г.), но и ездил выбирать кандидатов в министры». («В городе опять ужасно ворчат на милого старого Горемыкина, прямо отчаяние, — жалуется Николаю II жена в письме от 11-го ноября 1915 г. — Завтра Гр. повидает старого Хвостова, а затем вечером я Его увижу. Он хочет рассказать мне о своем впечатлении — будет ли он достойным преемником Горемыкину»).

О том, как Распутин исполнял поручение «из Царского» поехать «посмотреть душу» кандидата на высокий пост, — рассказано А. Н. Хвостовым Чрезвычай. Следств. Комиссии Врем. Правительства в 1917 г. «Это было в Нижнем-Новгороде, — сообщил А. Н. Хвостов, — когда я был губернатором. Ко мне приехал Распутин, мне в то время мало известный... Он предложил мне место министра внутренних дел... объявил мне, что он должен поговорить со мной, так как он послан, как он сказал, «посмотреть мою душу»... из Царского послан»¹).

«Делателю министров», — как прозвали Распутина — ничего не стоило, согласно свидетельству С. П. Белецкого (см. его записки), провести в министры Б. В. Штюрмера, Н. А. Добровольского, А. Д. Протопопова; ничего не стоило, как мы знаем из переписки Романовых, отсрочить созыв государственной думы или ускорить его («наш Друг сказал в последний раз, что *только* в случае победы Дума может не созываться, иначе же непременно надо», — пишет А. Ф. 15 ноября 1915 г. «Он сказал, что надо созвать Думу, хотя бы на короткое время», — сообщает она царю 16-го ноября того же года); ничего не стоило, рядом с официальной «Канцелярией комиссии прошений, на высочайшее имя приносимых», основать свою *собственную*, на Гороховой, 62, при которой числились «секретарями»: И. Ф. Манасевич-Мануилов, П. В. Мудролюбов, А. С. Симанович, Осипенко и др., не считая штата великосветских дам с А. А. Вырубовой во главе. Какое из двух этих почтенных учреждений преуспевало больше, — нетрудно догадаться.

Дрожая за царский трон, как за свой собственный, Распутин свою показную миссию «посредника между царем и богом» рассматривал, надо думать, как миссию посредника *между царем и народом*; ведь не мог он не знать, что от недовольства последнего, раздувае-

¹ Падение Режима. Стенографич. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезв. Следств. Комиссии Временн. Прав. Ред. П. Е. Щеголева, т. I, стр. 3.

мого «люцинерами» ¹⁾ грозит «бунт», властный в мгновение ока разбить тот утлый челн самодержавия, на котором с таким риском он дерзнул примоститься.

Поэтому вполне понятна его нервность из-за малейших недоразумений, раз в них могла ему почудиться озлобленность народа против «властей предрежущих».

«Гр. (Григорий) несколько расстроен «мясным» вопросом, — пишет А. Ф. царю 10 апреля 1915 г., — купцы не хотят понизить цены на него... и было даже нечто вроде мясной забастовки. Наш Друг думает, что один из министров должен бы призвать к себе нескольких главных купцов и объяснить им, что преступно в такое тяжелое время повышать цены и устыдить их».

«Он просил меня тебе передать, — говорится в другом письме А. Ф., от 4 окт. 1915 г., — что неладно с новыми бумажными деньгами, простой народ не может понять, — у нас довольно чеканной монеты — и это может повлечь к недоразумениям».

«Дорогой, — повторяет А. Ф. мужу в письме от 7 окт. 1915 г., — посылаю тебе 2 марки (денежные) от нашего Друга, чтобы показать тебе, что одна уже фальшивая. — Народ очень ими недоволен, — они легко улетают, в темноте извозчиков ими обманывают, и вообще это не годится. Он тебя очень просит немедленно остановить их выпуск... Я говорила с Барком о марках»...

Кончилось тем, что вместо П. Л. Барка на пост министра финансов был выдвинут В. С. Татищев, чья «любовь к нашему Другу, — пишет А. Ф. 19 декабря 1915 г., — является несомненным благословением и преимуществом».

Всё больше и больше входя во вкус власти, дававшей ему кстати такую широкую возможность сводить личные счёты с врагами, — Распутин, в апофеозе своего самодержавия, не довольствуется уже ролью «замест. царя», а, претендуя также и на пост главнокомандующего, свергает с этого поста ненавистного ему Николая Николаевича, заменяет неудачника особой Николая II и пробует через него распоряжаться военными действиями, пока не объявляет себя, под напором вражеских армий, *пацифистом*, готовым одобрить видимому какой угодно мир.

Так ли это?

¹⁾ Так называл Распутин «революционеров».

Вот несколько выдержек из писем Александры Федоровны к мужу в Ставку, могущих лучше всего подтвердить влияние Распутина на военные дела в год великого испытания, 1915—1916 г., влияние, близко граничащее с наи-верховным командованием.

В письме от 7-го октября 1915 г. говорится кратко до лаконичности: «Нашего Друга беспокоит Рига». Через месяц с неделей (15 ноября): «Он просит тебя *приказать* начать наступление *возле Риги*, говорит, что это необходимо, а то германцы там твердо засядут на всю зиму, что будет стоить много крови, и трудно будет заставить их уйти. Теперь же мы застигнем их врасплох и добьемся того, что они отступят. Он говорит, что *именно теперь* это самое важное и *настоятельно* просит тебя, чтобы ты приказал нашим наступать».

Между этими двумя письмами — 6-го ноября — А. Ф. сообщает, что Распутин послал Николаю II на фронт телеграмму, и прибавляет (очевидно, в связи с телеграфной директивой), что «наш Друг... боится, что, если у нас не будет большой армии для прохода через Румынию, то мы попадем в ловушку с тыла».

В длинном письме от 10-го октября 1915 г. сообщается, что: «Ему ночью было вроде видения», на основании которого «Он предлагает, чтобы в течение 3-х дней приходили исключительно вагоны с мукой, маслом и сахаром. Это в данную минуту даже более необходимо, чем снаряды или мясо... Недовольство будет расти, если положение не изменится... надо, чтобы это было *немедленно* приведено в исполнение».

В сущности говоря, влияние на военные дела Распутин стал оказывать еще тогда, когда им не был свергнут с поста главнокомандующего его личный враг Николай Николаевич: О том, что он хотел даже приехать в ставку последнего, помнится, упорно говорили в связи с ответной телеграммой ему Н. Н.—ча: «Приезжай, повешу». Как бы то ни было, нам хорошо известно, какую огромную роль тогда пытался сыграть Распутин при таком, например, немаловажном событии, как призыв ратников ополчения 2-го разряда в 1915 г. Он хотел, во что бы то ни стало и какую угодно ценой, отменить этот призыв, внушив Александре Федоровне такие строки к царю (в письме от 10-го июня 1915 г.): «если приказ об этом дан, то скажи Н., что так как надо *повременить*, ты настаиваешь на его отмене». — «Прошу тебя, мой ангел, заставь Н. смотреть твоими глазами, — повторяет А. Ф. в письме от 11-го июня, — не разрешай призыва 2-го разряда. — Отложи это как можно дальше... Пожа-

луйста, слушайся Его совета, когда говорится так серьезно. Он из-за этого столько ночей не спал! Из-за одной ошибки мы все можем поплатиться».

Почему же, спрашивается, так застрашал в этом вопросе «старец» своих милых «папу» и «маму», как звал Распутин фамильярно чету Романовых. — По той простой причине, как оказывается из дальнейших писем Александры Федоровны, что родной сын Распутина тоже числился ратником 2-го разряда, подлежащим призыву!.. После этого вполне понятно, что сердобольный папаша «столько ночей не спал», замышляя, из-за угрозы своему детищу, отменить призыв под ружье тысяч его сверстников.

Из этого эпизода как нельзя лучше видно, во 1-х, умение Распутина сочетать народно-государственные дела с частными, поступаясь, в кровных интересах, первыми ради последних, во 2-х, лишнюю причину к свержению Николая Николаевича, осуществившего призыв ратников, не считаясь с отцовским чувством о Григория и, в 3-х, причину нарастания пацифистских чувств у Распутина, откровенно «бухнувшего» через некоторое время, что «Балканы не стоят того, чтобы весь мир из-за них воевал, и что Сербия окажется такой же неблагоприятной, как и Болгария»¹⁾.

Конечно, последнее замечание стоит, помимо сказанного, и в непосредственной связи с неудачным командованием на фронте самого Распутина (устаами Николая II).

Почтенный «старец» разочаровался, по всей видимости, в своих способностях «молитвенного» Бонапарта, несмотря на то, что его во-время, казалось бы, и *только его одного* знакомили с секретнейшими документами военных операций. — «Он (Хвостов), — пишет А. Ф. 3 ноября 1915 г., — привез мне твои *секретные* маршруты (от Воейкова), и я никому ни слова об этом не скажу, только нашему Другу, чтобы он тебя всюду охранял».

Что можно сказать, на основании всех этих данных, о *положении*, какое занимал Распутин незадолго до своей смерти?

Что можно вообще сказать о *роли*, какую играл этот «старец» в представлении своих приверженцев?

Сказать, что он был *только советником* Николая II, было бы неправдой.

Сказать, что, в мистическом смысле, Распутин был *посредником* между царем и богом, а на самом деле — между царем и наро-

¹⁾ Письмо А. Ф. от 1-го ноября 1915 г.

дом, было бы верней, но несомненно преуменьшало бы значение «старца».

Сказать, что это был «святой», почти канонизированный царем при жизни, не значит еще определить роли этого «святого» в делах управления «судьбами» Российской империи.

Лишь выясняя его роль как роль негласного *самодержавного монарха*, — мы приближаемся к характеристике, исчерпывающей то *положение*, какое занимал этот «святой» в трагическом финале династии Романовых.

Да, то был «царь»! — некоронованный, но все же «царь» — пред кем смирялась воля самого «помазанника божьего»! негласный «царь», творивший чудеса, исцелявший больных, воскрешавший мертвых, заклинавший туманы, изгонявший «блудного беса», спасавший, наконец, державу Российскую. — «Царь не от мира сего», хотя пожалуй и чересчур «земной» в известном отношении.

Выше царя! — вот истинное положение, какое занимал этот «престец» в больном воображении своих державных приверженцев.

Но кто же мог претендовать на положение «выше царя»?

Бог только бог.

«Григорий, Григорий, ты Христос, ты наш Спаситель», — говорили своему «лампаднику» цари, целуя его руки и ноги.

Это сказал Илиодору сам «Григорий» в порыве откровенности ¹⁾.

И мы готовы поверить ему; готовы принять за правду это невероятное признание, на основании ряда документов, разобранных нами в настоящем очерке. Да, это так, подтверждают сокровенные доселе источники этой неслыханной в истории биографии!

Начав с молитвенных ходатайств за царя перед богом, Распутин стал посредником меж ними, чтобы потом занять место и того, и другого.

«Царь и бог!» — поистине, такое сказочное совмещение в лице развратного к тому же и почти неграмотного «мужика» было возможно лишь в стране неограниченных возможностей.

¹⁾ «Святой чорт», стр. 25.

ЕГО ТАЙНА.

В чем была тайна успеха Распутина? его беспримерного восхождения на недосыгаемую, казалось бы, высоту? тайна его сказочной мощи у «подножия трона»? его исключительного поработящего влияния на Николая и Александру Романовых, не говоря уж о других, о целом сонме жертв его колдовских чар?

Ответ на подобные вопросы некоторые находят прежде всего в гипнолизме, коим широко пользовался «святой старец» не только в целях своих мнимых чудес, но главным образом и в целях подчинения своему влиянию «нужных лиц» — нужных ему или другим, действовавшим через Распутина, — на этот счет мнения расходятся.

Утверждали, например, что Распутин был только фокусом, в котором якобы сосредоточивалась коллективная сила гипноза группы «черных оккультистов», избравших «старца» как орудие своих тайных замыслов ¹⁾. Другие передавали, что Распутин был орудием лишь одного магнетизера, научившего «старца», в своих собственных интересах, гипнотическому влиянию. — Последняя версия находит себе, между прочим, подтверждение и в записках С. П. Белецкого. «Когда я был директором департамента полиции, — пишет он, — то в конце 1913 г., наблюдая за перепиской лиц, приближавшихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером, лично для своего материального благополучия, на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды, в силу наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе сконцентрировать. Ввиду этого, я, собрав более подробные сведения о гипнотизере, принадлежавшем к типу аферистов, спугнул его, и он быстро выехал из Петрограда. Продолжал ли после этого Распутин брать уроки гипноза у кого-либо другого, я не знаю, так как я в скорости оставил службу» ²⁾.

¹⁾ «Падение режима», стр. 20 (показание Хвостова).

²⁾ Op. cit., 21.

Что у Распутина были не только «наличие сильной воли», как передает Белецкий, и «умение ее в себе сконцентрировать»; но и чисто внешние для гипнотизера данные, — об этом знает всякий, кто хоть раз видел этого знаменитого «чародея».

«Ну и глаза у него! — пишет Е. Джанумова в своем дневнике. — Каждый раз, когда вижу его, поражаюсь, так разнообразно их выражение и такая глубина. Долго выдержать его взгляд невозможно. Что-то тяжелое в нем есть, как будто материальное давление вы почувствуете, хотя глаза его часто светятся добротой, всегда с долей лукавства, и в них много мягкости. Но какими жестокими они могут быть иногда и как страшны в гневе» ¹⁾.

Обычным «приемом» Распутина при знакомстве с новым для него лицом было — задержать его руку в своей огромной руке и вперить свой взор во взор другого. — Эффект «воздействия» сильной воли испытывался каждым из знакомившихся с ним, испытывался сразу же и, насколько известно, без единого исключения.

При дальнейшем знакомстве с Распутиным, его гипнотические чары, если только ему нужно было, сказывались всё сильнее и сильнее, пока не доводили объекта его «колдовского» воздействия до подобию паралича «собственной воли».

— Я очень устала от всего этого, — пишет Е. Джанумова, имея ввиду под «всем этим» недвусмысленное «приставанье» к ней «старца», — хочу уехать и, сама не знаю почему, остаюсь. *Как будто как-то парализована моя воля* ²⁾.

— Несомненно, — подтверждал убежденно бывш. министр А. Н. Хвостов (в своих показаниях Чрезв. Следств. Комиссии в 1917 г.), — Распутин был один из самых сильных гипнотизеров, которых я когда-нибудь встречал! Когда я его видел, я ощущал полную подавленность; а между тем никогда ни один гипнотизер не мог на меня подействовать. Распутин меня давил; несомненно, у него была большая сила гипноза ³⁾.

О том, как влиял в этом смысле Распутин на Николая II, — А. Н. Хвостов сообщил той же Следств. Комиссии два случая, стоящих на границе анекдота. Первый случай: — Сидит Распутин совершенно пьяный. Приехал опохмелиться. Утром ему было очень скучно, и он

¹⁾ Op. cit., 25.

²⁾ Op. cit. 30, (курсив наш., Н. Е.).

³⁾ «Падение режима», стр. 27—28.

позвал своих сыщиков к себе — чай пить. А тем очень приятно: вместо того, чтобы сидеть на лестнице — лучше у него посидеть; для него же эта компания своя... Вот они сидят, пьют чай, у него голова болит; кто-то из этих господ спрашивает его: «Что ты, Григорий Ефимович, грустный? Что задумался?».. Он говорит: «Сказано мне подумать: как быть с Государственной Думой. Я совершенно не знаю, а как ты думаешь?».. Тот говорит: «Мне нельзя думать об этом, а то мне от начальства влетит»... Распутин говорит: «А знаешь что? я его пошлю самого в Думу: пускай поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сделать»... После этого мне было смешно, — сознавался Хвостов, — когда несколько членов Государственного Совета приписывали себе влияние в Ставке на то, что состоялось это посещение Государственной Думы... Вот в чем был трагизм положения! Его воля была подавлена. Я утверждаю, что воля его была иногда подавлена также гипнотически. Удавалось только на минуту вывести из гипноза ¹⁾).

Другой случай «действия под гипнозом» Николая II состоял, по проверке Хвостова, в следующем: — Хвостов сделал «всеподданнейший» доклад о необходимости сенаторской ревизии железных дорог, указав на ген. Нейдгардта как на желательного ревизора. В это время состоялось назначение Трепова, который, разойдясь в этом вопросе с Хвостовым, отправился в Ставку и выхлопотал там у царя отмену ревизии. «Мое положение, — вспоминал Хвостов пред Следств. Комиссией, — получилось странное: я выхлопотал эту ревизию, Нейдгарту сказал, тот передал... Началась междуведомственная история!.. На императора это страшно подействовало, и ему неловко стало, что я попросил, он согласился, а затем — отменил. Тогда он посоветовался с Григорием, как рассказывал сам Григорий: со мной, — говорит, — папашка советовался: как быть? — он обидел «внутреннего», но и «железного» не хочет обидеть... Но я ему сказал: ты их позови, поставь рядом, да не приказывай, а скажи: — «будьте вы в мире, — что вам ссориться — будьте по-божьи»... Когда я этот рассказ получил, я посмеялся... Через несколько дней я еду с очередным докладом (обыкновенно доклады были в 5 час., тут почему-то в 11 час.). Доклад был очень краткий. Меня просят подождать в приемной. Минут через 10 является Трепов. Нас зовут вместе в кабинет, и тут происходит буквальное повторение того, над чем

¹⁾ Ibid., 35.

я, за три дня перед тем, смеялся! Вошел император, обратился к нам и говорит: — «Господа, я вам не приказываю, а вас прошу убедительно, — для пользы России, — этого не делать, этих контров: я ошибся, поторопился»... После этих двух фактов могло ли быть у меня сомнение в том, что там гипнотическое влияние?! 1).

Была ли возможность для Николая II выйти из того гипнотического круга, какой очертила вокруг него властная рука Распутина? — Мог ли вообще Николай II иметь хоть малейшее представление о том, *чья* именно воля руководит им в том или другом «его» царском решении?

Повидимому — да, и мы уже знаем, за *чью* волю почитал царь волю Распутина: — «*святой*» мог внушить ему, — думал он, — лишь «*божественную*» волю; — при этом слабовольным монархом совершенно упускалось из виду, *кто* именно *внушил* ему прежде всего веру в «святость» самого гипнотизера.

«Подвергающийся внушению, — учит проф. Авг. Форель, — получает такое впечатление, как будто не только воля гипнотизирующего, но и его собственная диктуют ему данное стремление или желание, которое загипнотизированному чрезвычайно приятно или, по крайней мере, является неизбежным для него и обязательным. В чувстве поддающегося влиянию, что особенно свойственно женщине, есть своего рода удовольствие, которое нередко сочетается с пассивными чувствами половой любви, большей частью у женщин» 2).

Этими последними словами А. Форель как бы подсказывает нам уже разгадку, почему именно Александра Федоровна была всегда первой в послушании «старцу», не только сама повинаясь ему рабски, но внушая такое повиновение и своему «благоверному».

Эти же слова А. Фореля подтверждают и определение Распутинского гипнотизма, сделанное академиком В. М. Бехтеревым в его статье «Распутинство и общество великосветских дам» 3).

«В заключение скажу, — говорит Бехтерев в этой статье, — что если кто и хотел бы понимать всё, что известно относительно покорения дам высшего общества грубым мужиком Распутным, с точки зрения гипнотизма, то он должен не забывать, что, кроме обыкно-

1) Ibid., 46.

2) «Половой вопрос», перев. Н. Б. Борисова. Изд. «Сотрудник», т. II, стр. 296.

3) «Петрогр. Газета» от 21 марта 1917 г.

венного гипнотизма, есть еще «половой» гипнотизм, каким очевидно обладал в высокой степени старец Распутин».

Насколько известно, «старец» никогда не прибегал, в целях *внушения*, к усыплению своих невольных «пациентов». Но усыпление, в сущности, и не нужно вовсе при внушении, для того, чтобы имел место гипноз. — *Нет разницы между внушением наяву и гипнозом* — учил А. Форель еще в самом начале этого века (см. *Der Hypnotismus und die suggestive Psychotherapie*). «Как гипнотизм, так и внушение в состоянии бодрствования должно считать однозначными» — повторяет он вновь в своем исследовании «Половой вопрос» ¹⁾.

«Силою гипнотизировать и внушать, — говорит д-р G. Sticker, — обладает всякий, кто имеет силу или дерзость импонировать, приказывать, укрощать, но в особенности тот, кто бессознательно, но непоколебимо верит в свое призвание повелевать, а вместе с тем умеет быстро уловить слабость воли, подчиняемость и сумеречность в другом «я» и кто обладает тактом и опытом, чтобы использовать слабость противника» ²⁾.

Можно подумать, что д-р G. Sticker, в этом психологическом портрете, имел перед собой модель самого Распутина: — так подходит всё сказанное в этом абзаце к характерным чертам нашего сибирского «чародея».

К сказанному не мешает прибавить, что, по научным наблюдениям того же G. Sticker, — «вера в сверхмогущество посторонней воли способствует происхождению гипноза», и что успех последнего порой зависит, по словам того же автора, «от хитрости гипнотизера» ³⁾.

Как известно, знаменитый Mesmer не напрасно надевал, на заре суггестивной терапии, лиловую мантию при своих опытах магнетизма и вооружался, приступая к ним, «волшебным жезлом». — Это импонировало, это очаровывало его пациентов так же, как и всё поведение этого хитрого актера! — ведь еще в XVIII веке Charles Batteux (первый пустивший в ход слово «переживание») определил *игру актера* как своего рода *внушение* ⁴⁾.

¹⁾ Стр. 289, 294 и др.

²⁾ Энциклопедия практич. медицины, под ред. проф. В. В. Подвысоцкого и д-ра Л. Я. Якобсона, «Гипнотизм».

³⁾ *Ibid.*, стр. 903 первого издания

⁴⁾ Об этом упоминает, в частности, Вал. Смышляев в «Технике обработки сценического зрелища» (2-е изд., М., 1922 г., стр. 207). О *внушении* актера см. в моей книге «*Pro scena sua*», стр. 130.

Если мы будем придерживаться наиболее общего определения понятия «внушения», данного В. М. Бехтеревым в его труде «Внушение и его роль в общественной жизни», т.-е. будем обозначать этими словами *психическое воздействие вообще*, то мы несомненно (и совершенно правильно) увидим в искусстве *актера* могучее средство внушения.

Не прибегая к усилению в практике своего гипноза, Распутин, как бы компенсируя этот метод, широко, повидному, пользовался в целях внешнего внушения, искусством, составляющим удел *актера*. В этом и заключалась, главным образом, та «*типность гипнотизера*», на которую указывает G. Sticker, как на одно из средств успешного гипнотизирования.

«Удивительно у него подвижное и выразительное лицо», — говорит Е. Джанумова о Распутине ¹⁾, всматриваясь в него, словно вправду перед ней был не «подвижник», а самый типичный *актер* «с лукавой добротой и лаской», с глазами, у которых «тако разнообразно их выражение» и т. п. ²⁾.

О том, что Распутин считался целым рядом лиц, не поддававшихся внушаемой им «святости», определенным «*шарлатаном*», т.-е. актером-фигляром, выступавшим в роли чудодея, — об этом так же хорошо известно, как и о «притче во языцах», какой служил сам «старец» в последние годы царствования Романовых.

Актером называет и как *актера* трактует Распутина прекрасно знавший его С. П. Белецкий в своих записках. — Говоря о той поре жизни Распутина, когда последний решился стать не монахом, как хотел того раньше, а странником и святошей-юродивым, что было более ему по душе и скорей подходило ко всему складу его характера, — Белецкий пишет: «очувтившись в этой среде в сознательную уже пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже, как «Гриша провидец», ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, будучи разом и невежественным и красноречивым, и *лицемером* и фанатиком, и святым и грешником, аскетом и бабником, и в каждую минуту *актером*» ³⁾.

«Присмотревшись к Распутину. — говорит в другом месте Белецкий. — я вынес убеждение, что у него идейных побуждений не

¹⁾ Op. cit., 14.

²⁾ Ibid., 25.

³⁾ Op. cit., 19—20.

существовало и что к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов своих и Вырубовой. Но в силу свойств своего характера, он старался *замаскировать* внутренние движения своей души и помыслов. Изменяя выражение лица и голоса, Распутин притворялся прямодушным, открытым, неинтересующимся никакими материальными благами, человеком вполне доверчиво идущим навстречу доброду, так что многие искушенные опытом жизни люди, и даже близко к нему стоящие лица, зачастую составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрывать их карты» ¹⁾.

«Будучи скрытным, подозрительным и неискренним,— прибавляет Белецкий к характеристике Распутина *как актёра в жизни*, — умея носить на лице и голосе маску лицемерия и простодушия, он вводил этим в заблуждение тех, кто, не зная его (а таких было много, в особенности из состава правившей бюрократии), мечтал сделать из него послушное орудие для своих влияний на высокие сферы» ²⁾. Несколько страницами дальше Белецкий подробно рассказывает, как Распутин *«исполнил свою роль»*, желая выяснить, к чему клонились «настояния» того же Белецкого ³⁾, и приводит убедительный пример, насколько этот лицедей был неискренен в своих отношениях к высоким особам и как он старался в каждом случае найти возможность подчеркнуть им, что все его помыслы и действия направлены исключительно к служению их интересам, доходящему до забвения им даже своих личных обязанностей к семье или родным ⁴⁾.

Всё заставляет думать, что и вправду это был крайне талантливый и крайне искусный, несмотря на свою доморощенность, *актер-самородок*, понимавший не только сценическую ценность броского костюма «мужицкого пророка» (всех этих вышитых рубах цвета крем, голубых и малиновых, мягких особых сапог, поясов с кистями и т. п.), но и ценность особой, подобающей «пророку» «божественной речи». (Из дальнейшего будет ясно видно, *какой* именно идеал предносился в творческом воображении этого «актёра».)

Касаясь *«нарочито нелепого»* языка записок и телеграмм Распутина — М. Н. Покровский справедливо замечает в предисловии к «Письмам Николая и Александры Романовых»: «Не может быть, чтобы

¹⁾ Ibid., 50.

²⁾ Ibid., 26.

³⁾ Ibid., 37.

⁴⁾ Ibid., 63.

«божий человек» не умел говорить понятно по-своему, по-крестьянски, — но и ему, и его поклонникам обыкновенная человеческая речь показалась бы отступлением от ритуала. И только, когда житейская проза очень уж хватала за живое Распутина — как это было, когда призвали на войну его сына, — его стиль унижался до обыкновенной человеческой речи»¹⁾.

О том, что в своей беседе, под влиянием вина, Распутин унижался порой (словно и вправду актер-забулдыга!) и до скотской речи непристойной его «высокому призванию», — об этом знает целый ряд свидетелей его кутежей («до бесчувствия»²⁾), до буквального «положения риз», как это было, например, при попойке у «Яра» (см. 1-ю главу настоящего очерка). И недаром, когда он хотел «импонировать», ему приходилось быть сдержанным в предательском вине (in vino veritas!). — На первых наших обедах, — рассказывает Белецкий, — Распутин бывал сдержан в вине и даже пытался вести беседы в духе своих «размышлений»; но затем Комиссаров установил с ним сразу дружеские разговоры на «ты» и отучил его от этой, по словам Комиссарова, «божественности». Это понравилось Распутину, и он с того времени перестал нас совершенно стесняться и, приходя в хорошее настроение, приглашал нас обычно поехать к цыганам³⁾.

Здесь рядовой истолкователь тайны Распутинского «целения» может смело, пожалуй, поставить точку, считая в общих чертах эту тайну разоблаченной: — Распутин гипнотизер, шарлатан, актер-лицемер, развратник-христоробец, импонирующий сексуально в нравственно-шаткой среде, где «половой гниоз» легко находит жертв среди ханжей-дегенератов и т. п.

Так, или приблизительно так, и раскрывается в сущности «тайна Распутина» такими мемуаристами, как С. П. Белецкий, Морис Палеолог, В. М. Пуришкевич, Курлов и т. п.

Мы, однако, вряд ли можем так легко удовлетвориться приведенными здесь данными. — Были при дворе Романовых и до Распутина всевозможные гипнотизеры и «актеры в жизни», искушенные в ролях «пророков» и «святых» (вроде м-г Филиппа, например) и шарлатаны-целители (вроде «доктора» Бадмаева например), и всевозможные христоробивые «блуждающие»-юродивые (вроде Мити Колябы, например),

¹⁾ Op. cit., стр. XXVII.

²⁾ До «такой разнузданности», — сообщает Белецкий (op. cit., 72), что однажды «хор цыган поспешил уехать».

³⁾ Op. cit., 72.

и «чудотворцы» (вроде Иоанна Кронштадтского), и лица, обладавшие, как будто, недюжинными половыми чарами или верней «внушительным» соблазном, близким к гипнозу (та же Вырубова, тот же Саблин),— но никто из них не только не сумел добиться «положения», равного Распутинскому, но и помыслить об этом не смел, довольствуясь лишь теми «крохами», какие падали им в рот с «высочайшей» трапезы.

В Распутине — опять-таки — не только сосредоточивались все те данные, какими, каждым в *отдельности*, обладали порой временные или постоянные фавориты Романовых, но — что неизмеримо важнее — заключалось нечто специфически ему свойственное, нечто или чуждое его соперникам или мало у них развитое, нечто, обеспечивавшее Распутину выдающийся успех влияния, что называется, «наверняка».

Это «нечто» состояло в чем-то абсолютно «настоящем» у Распутина, примешивавшемся к «наштранному» у него и обуславливавшем для нервно-неуравновешенных и слабовольных людей какую-то непререкаемо-импонирующую «правду».

В чем же заключалось это колдовское «нечто» у Распутина? это «настоящее» у него? эта его подлинно-что «сокровенная» тайна?

Ответ на этот вопрос скрывается в сущности первичного драматического феномена.

До тех пор, пока мы будем относиться к «актерству» Распутина с привычной современному обывателю вульгарной точки зрения, — мы мало продвинемся в разрешении интересующего нас вопроса.

Но как только мы вспомним о первоначально-культовом значении «маски», в смысле личины божества, надевавшейся служителем его в целях усиленного самоотождествления с ним, — мы сразу же подойдем к той точке зрения, с которой тайна Распутина, и в частности тайна его лицедейства, получает должное освещение.

Маска в новейшем значении этого слова «есть результат извращения и профанации древнего священного лицедейства» — учит одна из споряд Вячеслава Иванова ¹⁾. — Эта наша маска не имеет ничего общего с той культовой личиной, в которой, например, у греков, при служении Дионису, заключалась подлинная религиозная сущность.

Понять «маску» Распутина, вернее — *основную его личину* и основное его настроение, этой «маской» обусловленное, — значит раскрыть

¹⁾ «По звездам», Изд. «Оры», СПб., 1909 г., стр. 345.

основную тайну его поведения, тайну самоуверенности этого поведения и, наконец, мощного гипноза, связанного с этим поведением для лиц, желавших видеть в Распутине прежде всего его «маску» и главным образом его «маску», а не его самого, терявшегося за «маской», составлявшей как бы его «сущность».

«Видеть самого себя преобразенным в своих собственных глазах и затем поступать так, как будто действительно ты вошел в тело и характер другого», в этом, — как мудро формулировал Фр. Ницше, — и заключается «первичный драматический феномен» ¹⁾. — «Надевший маску (как культовую личину), поистине отождествляется, в собственном и мирском сознании, с существом, чей образ он себе присвоил. Таков изначальный мифологический смысл маски», — поясняет Вяч. Иванов ²⁾.

Этот «первичный драматический феномен», это изначальное значение («мифологической маски») мы можем легко объяснить путем *самовнушения* роли «божества», «святого» или «героя», — «маски» гипнотически действительной затем, в качестве «сущности», для лиц таящих в себе предрасположение к подобному гипнозу.

О том, что Распутин играл роль «святого», более того — новоявленного «Христа», — в этом мы можем убедиться из всего описания его «жития», «чудес», «пророчеств», «изречений» и наконец из его неоднократных внедрений в сознание других (например, того же Илиодора), что вот, мол, даже царь и тот его уже признал Христом, и царица тоже, и др.

В этой роли мы должны признать *основную личину* Распутина, ту «мифологическую маску» его, о которой, как о культовой ценности огромного религиозного значения, говорит нам Вяч. Иванов в одной из своих спорад.

Только при предположении, что Распутин был религиозно убежден в отождествлении себя, если не в тождестве своем, с «святым» и даже с «Христом», можем мы понять ту сбивающую с толку *свободу личного поведения*, которой он почти *бравировал*, зная, что «святому», а тем более «богу», всё позволено, — «ему, как праведнику, закон не лежит», — говорят, например, хлысты ³⁾.

¹⁾ «Происхождение трагедии», пер. Ю. М. Антоновского. Изд. М. В. Клюгина. М., 1902, стр. 64.

²⁾ Op. cit., 344.

³⁾ Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона. «Хлысты», 406.

Надо быть или круглым дураком, или *фанатично верующим в себя как в «бога»*, чтобы, без малейшего удержу, разъезжать по ресторанах и кутить там «напропалую» всю ночь, посещать открыто салоны «монденок» и «демп-монденок», публично «дебоширить», напившись до-пьяну, и вообще позволять себе всё то, что позволял себе Распутин. — Шарлатан, конечно, так не поступал бы! шарлатан держался бы «Тартюфом», «тише воды, ниже травы» перед сонмом взыскательных критиков! Не надо обладать особенным умом, чтобы понять, как должен вести себя «святой» или «бог», раз желаешь импонировать, прикинувшись тем или другим! — «шкурный интерес» подскажет даже пьянице хорониться келейно со своими грешками, а не выставлять их напоказ.

Другое дело, если являешь собой «первичный драматический феномен», т.-е. отождествляешь себя с «богом», «мифологическую маску» которого носишь, фанатично в него веруя! Тогда, понятно, «никакие законы для тебя не писаны», кроме твоих личных, «божественных», и нет тебе никакого дела до «шумного света», с его взглядами на добропорядочное поведение настоящего «святого» или «бога».

При таком отождествлении себя с «маской», наблюдается явление очень близко подходящее, повидимому, к так называемому в психологии «*двойному сознанию*», на которое еще в середине прошлого столетия обратил внимание Шредер ван-дер-Кольн. При «двойном сознании», как известно, имеет место «ненормальное психическое состояние, при котором в одном лице слагаются два совершенно различных и независимых друг от друга сознания»¹⁾. Патологические случаи такого «двойного сознания», по наблюдению д-ра Weygandt наблюдаются большей частью на эпилептической и истерической почве²⁾.

Если мы вспомним из жизни Распутина такие случаи, как его обморочное состояние, с сопровождением обильного пота вслед за «воскрешеньем» Вырубовой, его помертвление (припадок) перед «пророчеством» Е. Джанумовой о спасении ее племянницы и целый ряд случаев его болезненных невоздержанностей, — мы будем вправе пред-

¹⁾ Э. Л. Радлов. «Философский словарь». Изд. Г. А. Лемана, М., 1913 г., стр. 164

²⁾ Энциклопедия практической медицины под ред. проф. Подвысоцкого и д-ра Якобсона, т. 1, стр. 13114 — «*Двойное сознание*». О «раздвоении личности» см. также у Уил. Джемса в «Психологии» (пер. И. И. Ладшина, СПб. 1898 г. стр. 163-165).

положить у знаменитого «старца» ту истеро-эпилептическую «одержимость», на почве которой психиатрия констатирует возможность «двойного сознания», столь близкого сознанию отождествляющего себя с «мифологической маской».

Но здесь естественно напрашиваются два очень важных вопроса, без разрешения которых наше объяснение «тайны Распутина» может показаться вдумчивому скептику произвольным утверждением. — Да была ли в *самом деле* Распутина настолько религиозным типом, чтоб отождествлять, в фанатичном самовнушении, себя со своей «божеской маской»? А если да, то как понять и как связать его эротику, его *плотский разврат*, его ничем не ограниченные половые излишества с положением твердо верующего в себя святого, если не бога?

Я позволю себе ответить сначала на второй из напрашивающихся здесь вопросов.

Возбуждение полового инстинкта, в связи с религиозной экзальтацией и вообще с молитвенным подвигом — общеизвестный факт, хотя еще и недостаточно до сих пор разъясненный. — «Художественное делание молитвы Иисусовой, — говорит епископ Феофан Затворник, — иного ввергает в прелесть мечтательную, а иного, дивно сказать, в постоянное похотное состояние». (Собрание писем святителя Феофана, М., 1901 г., т. 7, стр. 87). По его же словам, теплота («теплое чувство»), сопровождающая сосредоточенную в сердце молитву, нередко соединяется «с сладостью похотною». (Письма. Тамбов 1897, стр. 317.) «Какое странное явление, — говорит епископ Игнатий (Брянчанинов), повидимому, подвижник занимается молитвою, а занятие порождает похотение, которое должно бы умерщвляться занятием» (Сочинения, т. 2. СПб, 1865, стр. 354.)

Связь полового чувства с религиозным вскрыл, — еще задолго до Фрейдовского учения о сублимации первого из них во второе ¹⁾, — проф. Р. Краффт-Эбинг, полагавший, на основании ряда исследований, что «религиозное и половое состояние аффекта обнаруживают на высоте своего развития единогласие в качестве и количестве возбуждения и могут поэтому соответственным образом викариировать»,

¹⁾ Среди обширной фрейдовской литературы, уместно указать в особенности на «*Totem и Tabu*» — психологию первобытной культуры и религии (В русском переводе д-ра М. В. Вульфа эта книга издана Госиздатом, в виде выпуска VI «Психологич. и психоаналитич. библиотеки», под ред. проф. И. Д. Ермакова).

при чем «оба могут, при патологических условиях, перейти в жестокость»¹⁾).

О «склонности человека связывать свою эротику с религией, приписывая первой божественные источники и выдавая ее за продукт влечения свыше», — говорит определенно проф. Форель во II томе своего исследования «Половой вопрос».

О том, что Распутин являл крайне красноречивый пример подобной «склонности», мы легко убеждаемся из примеров его «жития» (см. гл. II настоящего очерка), в коих он объяснял жертвам своего сладострастия *освящающее* значение своих «прикосновений».

Словно имея в виду самого Распутина, *отпалкивающая эротика* которого заставляла даже филеров (охранников) вспоминать с омерзением о виденных ими, по долгу службы, проделках этого «святого»²⁾, Форель поучительно для нас замечает: «не свободна от половых представлений и жизнь святых, при чем нередко в самой отпалкивающей эротической форме»³⁾.

Отметив, что у французских психиатров имеется даже специальный термин «*délique érotico-religieux*», Форель опять-таки, словно *метя как раз в Распутина*, замечает, что «лица безусловно психопатические и истеричные всегда воздействовали на судьбы народов, при чем это можно быть объясняемо главным образом гипнотизирующим влиянием представлений на половой и одновременно религиозной почве»⁴⁾. При этом, — продолжает Форель (подкрепив свой домысел исторически заверенным примером), — характернее всего то, что сами больные находятся прежде всего под патологическим непосредственным влиянием их собственных бредовых представлений, и притом в столь сильной степени, что вдохновляются до крайней степени, приобретают фанатизм пророков и развивают такую колоссальную энергию, которою единственно и оправдывается их колоссальное воздействие на массы. При этом безответственная самоуверенность, вера в собственную непогрешимость, пророческие приемы, — всё это настолько импонирует толпе, что она идет вслед за ними, экзальтированная и загипнотизированная, подчиняя свою волю и свои поступки желаниям и прихотям психопата. С безумием в этих случаях весьма часто сочетается и са-

1) «Половая психопатия», пер. д-ра Б. Комаровского, стр. 18.

2) С. П. Безедкий, стр. 72.

3) Op. cit., т. II, 364.

4) Ibid., 365

мый низменный эротизм, прикрытый, однако, религиозным экстазом и не обнаруживаемый окружающими, которые убеждены в чистоте всего их окружающего, ибо в этом же убежден и сам увлеченный их психопат»¹⁾.

В результате своего исследования, Форель приходит к заключению, что «мы можем... в зависимости от половых чувств данного пророка или основателя религиозного учения, определить и его религиозное нововведение»²⁾.

Отсюда понятно, почему я предпочел ответить сначала на вопрос о совместимости плотского разврата с истинной религиозностью, а потом уже на первый из поставленных нами вопросов: *был ли в самом деле Распутин подлинно религиозным типом?*

Простое, даже беглое ознакомление с половыми причудами Распутина, вроде страсти окружать себя многими женщинами, словно священным «вакхическим хороводом», страсти унижать их всячески (мытьем ног, вождением в баню и пр.), страсти проявлять реально или символически жестокость к ним (бичеванье женщин, похлопыванье их рукою) и т. п. — приводит мало-мальски сведущего в половых извращениях критика к квалификации развратника Распутина, как *садиста*.

Если это так, — а в том порукой всё плотское «житие» Распутина, — и если прав Форель, что в зависимости от «половых чувств» данного лица определяется и его «религиозное нововведение» — мы должны предположить, что Распутин должен был естественно облюбовать такой религиозный уклад, в коем притягательный для садиста момент доминирования «яко бо» над окружающими, в частности — над женщинами, был бы непререкаемо ясно выражен.

Такой религиозный уклад Распутин мог найти уже в готовой форме у *хлыстов* — секты, где главное «нововведение» могло ограничиться разве что провозглашением, наравне с другими жившими раньше «Христами», и себя «Христом», согласно хлыстовскому учению, что Христос не только «может входить с нами в общение», но «может даже вселяться в нас»³⁾.

Если мы найдем убедительные данные для подтверждения стоустной молвы о том, что Распутин был действительно *хлыст*, — мы тем самым найдем верный ответ и на поставленный нами выше вопрос

1) Ibid., 366

2) Ibid., 369

3) См., напр., Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона, «Хлысты».

о подлинной религиозности Распутина, так как психологически немислимо (до полного абсурда) быть сектантом и в то же время неверующим ханжой или даже мало-верующим.

«Мы желаем сильной власти, — сострил в 1915 г. В. И. Гурко (на одном из московских заседаний Всер. Зем. Союза), — мы принимаем власть, вооруженную исключительным положением, власть с хлыстом, но не такую власть, которая сама находится под хлыстом» ¹⁾.

«Это клеветническая двусмыслица, направленная против тебя и нашего Друга», писала Александра Федоровна Николаю II после цитаты приведенных слов Гурко ²⁾.

Действительно ли это — «клеветническая двусмыслица»? Имеем ли мы в самом деле основание утверждать принадлежность Распутина к хлыстовской секте?

Этот вопрос, между прочим, сильно занимал С. П. Белецкого в бытность его директором департамента полиции. Вот что он сообщает по этому поводу в своих, безусловно «проливающих свет» на хлыстовскую тайну Распутина записках: «Из имевшихся в делах канцелярии обер-прокурора святейшего синода сведений, переданных секретно мне директором канцелярии г. Ядкевичем, несомненным являлся тот вывод, что Распутин был сектант, при чем из наблюдения причта села Покровского, родины Распутина, явствовало, что он тяготел к хлыстовщине... Установить на основании фактических и к тому же проверенных данных несомненную принадлежность Распутина к этой именно секте не удалось тем более, что Распутин.. был крайне осторожен, никого из своих односельчан не вводил в интимную обстановку своей жизни во время приездов к нему его почитательниц и филерное наблюдение к себе не приближал. Ввиду этого я принужден был, секретно даже от филерного отряда и местной администрации и сельских властей, всецело бывших на стороне Распутина, поселить на постоялясе жительство в селе Покровском одного из развитых и опытных агентов и приблизить его к причту. Из донесений этого агента... для меня было очевидным уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям. Проникнуть несколько глубже в тайны его бани мне в ту пору не уда-

¹⁾ Переписка Н. и А. Романовых, стр. 320

²⁾ Письмо от 8 сент. 1915 г.

лось... Познакомившись затем лично с Распутиным и заручившись доверчивым его к себе вниманием, я, продолжая интересоваться духовным мировоззрением Распутина, укрепился в вынесенных мною ранее выводах. Поддерживая в обиходе своей жизни обрядовую сторону православия и безапелляционно высказывая, даже в присутствии иерархов, свои далеко не авторитетные мнения по вопросам догматического характера, Распутин не признавал над своею душою власти той церкви, к которой он себя сопричислил; вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить г. Папков, не интересовался, а любил вдаваться в дебри церковной схоластической казуистики; православное духовенство не только не уважал, а позволял себе его третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже в среде высшей церковной иерархии, отмежевывая себе функции обер-прокурорского надзора, и чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей. Мне лично пришлось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченном кругу избранных, слышать своеобразное объяснение им своим неопиткам проявления греховности. Распутин считал, что человек, впивывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал «преображение» своей души, омытой своими грехами»¹⁾.

Рядом с этим мы находим наводящие на «хлыстовщину» данные и в показаниях А. Н. Хвостова Чрезвычайной Следственной Комиссии Врем. Правительства в 1917 г. Вот интересный для нас отрывок из диктографа председателя этой комиссии с Хвостовым после предложения председателя сообщить известное Хвостову о религиозности Александры Федоровны.

Хвостов. — Относительно религиозного вопроса, мне кажется, у нее был какой-то гипноз или странность — с этим Распутиным...

Председатель. — Что же? Вся религиозность сводилась к Распутину?

Хвостов. — Религиозность была захвачена Распутиным — это был «пророк», который явился с неба, который говорит... Это было беспрекословное повиновение. Мне кажется, она была под полным гипнозом.

Председатель. — Что же тут подразумевалось: сверхъестественное происхождение Распутина?

¹⁾ Op. cit., стр. 25-26

Хвостов. — Она намекала, что ждала, когда я из неверующего обращусь в верующего, но этого мне не говорила.

«Пророк, который явился с неба», как выражается Хвостов о Распутине, согласно впечатлению от беседы о нем с Александрой Федоровной, это и есть тот хлыстовский «Христос», который время от времени сходит на землю, чтобы воплотиться в достойного подвижника; ибо, по учению хлыстов, недостаточно «вообразить в себе дух христов», надо еще «отелесить в себе личность Христа»¹⁾.

В сущности говоря, мы и помимо сведений, какие дали в наши руки С. П. Белецкий (с его штатом филеров) и А. Н. Хвостов, располагаем достаточными данными из «жития» о Григория для того, чтобы, путем сопоставления их с хлыстовскими традициями, увидеть в религиозной личности Распутина *хлыста* и притом хлыста, фанатично преданного вероучению этой секты.

Остановим наше внимание хотя бы на следующих предательских для Распутина чертах: —

1) Хлысты, как известно, никогда не называют себя «хлыстами»²⁾, считая это прозвище обидным; — «сами себя хлысты называют людьми божьими, в которых за их богоугодную жизнь обитает бог»³⁾.

«Божьим человеком» называет Распутина, наравне с «Другом», и бывш. императрица Александра Федоровна, в своей *интимной* переписке с Николаем II. Что это не было, так сказать, пустым прозвищем, условным для «Распутина» в беседе Н. и А. Романовых, говорят слова Александры Федоровны о вел. кн. Николае Николаевиче: — «раз он враг божьего человека, — пишет царю А. Ф. 16 июня 1915 г., — то его дела не могут быть успешны и мнения правильны».

Название «божьего человека» так укрепилось за Распутиным, что стало наконец достоянием всех «салонов», не исключая посольских; — Палеолог, например, в своих воспоминаниях о Распутине⁴⁾ сплошь и рядом, как известно, называет его «божьим человеком», вкладывая в эти слова ту иронию, какую подсказывали ему далеко не божественные «подвиги» этого «старца».

1) «Раскольники и острожники» соч. Федора Васил. Ливанова. СПб, 1872, т. II, стр. 6 («московские хлысты»).

2) «Хлысты», повидимому, искаженное произношение «христы»; «христовщиной» (а не «хлыстовщиной») секта называлась потому, что она управлялась «христами» (Энцикл. Брок. и Ефр., «Хлысты»).

3) Ibid, 403.

4) См., напр., в оп. cit. стр. 13, 15 и др.

2) Допустимость для облеченного высокой миссией «божьего человека» ненстойвой, залихватской пляски — явлению «суетного» и «светского» в глазах ортодоксальных христиан — была возведена у хлыстов на степень заслуг подвижничества, при чем *пляска* практиковалась у них не только как соборное «раденис», но и в «одиночку» или «в сватку» (мужчина с женщиной)¹⁾.

Кто не слышал в эпоху «распутинощияны» об экстазных развеселых плясках знаменитого «старца»? об этом странном совмещении им ролей «святого» и «танцора»? При этом важно отметить, что Распутин плясал в кругу своих поклонниц обыкновенно вслед за духовной беседой или *духовной песней*.

Вот что мы читаем в главе «Московские хлысты» книги Фед. Вас. Ливанова «Раскольник и острожник» (т. II, стр. 119-121): «В 1812 году был в этой секте . . . мещанин Евграфов. Этот Евграфов впоследствии попался в руки правительства и сообщил на формальных допросах о секте «московской хлыстовщины» весьма любопытные подробности. По его словам . . . *по окончании пения хлыстовских песен . . . пророчествующий становился среди моленной без штанов и начинал радеть, т.-е. кружиться . . . приседая, сильно ударя в пол ногами и т. п.*» (Курсив наш).

Е. Джанумова, присутствовавшая не раз на распутинских «радениях», — правда светски маскированных, — передает в своем дневнике, от 19-го сентября, что пляске Распутина предшествовало исполнение хором сначала «Странника», определяемого Джанумовой как «духовная песнь» и псалмов. «Все это создавало такое торжественное и странное настроение», — пишет эта жертва распутинского оболъщения. «Внезапно. — продолжает Джанумова, — без всякого перехода он стал напевать «русскую». Сейчас же несколько голосов подхватило. Он махнул рукой в сторону великой княжны. Она вышла и стала плясать грациозно и легко. Навстречу подбоченился Распутин»²⁾. Остаток подробно Джанумова описывает пляску Распутина несколькими страницами раньше (25 марта). «Играй: «По улице мостовой», — внезапно без всякой связи с предыдущим скомандовал он. Одна из барынь села к роялю и заиграла. Он встал, начал в такт покачиваться и притаптывать ногами в мягких сапогах. Потом вдруг пустился в пляс. Танцевал он неожиданно легко и плавно. Как перышко носился по комнате, приседая и выбивая дробь ногами, приближался к дамам,

¹⁾ Энцикл. Слов. Брокг. и Ефр., «Хлысты», 407.

²⁾ Op. cit., 19.

выманивая из их круга партнершу. Одна из дам не выдержала и с платочком выплыла к нему навстречу. Кажется, никто не был удивлен. Как будто этот пляс среди бела дня был самым обычным делом... Мелькала бородатая фигура, развелись кисти голубого пояса. Четко и дробно выбивали такт ноги в мягких сапогах из чудесной кожи, какого-то особенного фасона. Глубоко сидящие глаза настойчиво вонзались в меня, и я не знала, что думать»¹⁾.

Дальнейших подробностей не сообщается, возможно — из чувства женской стыдливости. Чуждый этой стыдливости, «по долгу службы», начальник московской охранки Мартынов доносил, однако, командиру отд. корпуса жандармов и о «подробностях», следовавших за экзотической пляской Распутина, среди дамского общества, в московском ресторане «Яр». — О том, чтобы Распутин очутился *без штанов*, наподобие хлыста, описанного в показании Евграфова, Мартынов, правда, не «доносит», но что «опьяневший еще более Распутин плясал впоследствии «русскую», а затем начал откровенничать с певичками... обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками», — об этом сообщается Мартыновым вполне определенно, на основании сведений пристава 2 уч. Суцевской части г. Москвы подполковника Семенова от 26 марта 1915 г.

Таким образом характер плясок Распутина, связанных с одной стороны с «духовными песнями», а с другой — с экзотическим *загоменем*, не оставляет сомнения в их хлыстовском происхождении.

3) По учению хлыстов, тому, в ком живет «дух божий», как праведнику, закон не лежит; он может творить чудеса и предсказывать будущее²⁾.

О том, что «чудесами» приобиловало всё «житие» Распутина, мы видели из II главы настоящего очерка.

Можно ли считать отношение Распутина к творившимся им «чудесам» чисто хлыстовским?

Повидимому да; в особенности если иметь в виду всё то, что говорилось Распутиным о главном его «чуде» — «изгнании блудного беса».

Вот что гласит показание хлыстовки А. Сухотериной, привлеченной по «Делу Оренбургского Окружи. Суда о хлыстах Утицких

¹⁾ Ор. cit. 10-11.

²⁾ Энци. Сл. Брокг. и Ефр., «Хлысты», 406.

ц Строгановой» (т. I, л. 127): — «По словам хлыстов, тело, плоть — грешны, немощны, во плоти сидит злой дух; и вот, когда в человека кто-либо из пророков или христов... дыхнет истинным духом, то при выходе из тела злого духа, всё тело дрожит, трясется» и т. п. ¹⁾

О том, как толковал Распутин понятие «дыхнуть истинным духом», мы говорили во II главе со слов самого Распутина, сказанных интимно его некогда закадычному другу Илиодору.

Что касается дара пророчества («предсказывания будущего»), то, по словам Фед. Вас. Ливанова, — «для приобретения дара пророчества и учительства, у них не требуется никаких особенных способностей и сведений, почему в это звание поступают весьма часто мужики совершенно безграмотные, и онц еще гордятся тем, называя себя, подобно апостолам, «некнижными рыбаками» и «безграмотными архиереями», просвещенными святым духом и самим богом умудренными... ²⁾».

О безграмотности «некнижного рыбака» и пророки Распутина говорят достаточно красноречиво оставшиеся после его смерти многочисленные записки «власть предержащим» и просто «на память», где беспомощные каракули еле-еле выражают синтаксически сумбурную речь.

Очень важно тут же отметить, что в пророческом даре отец Григорий получал вдохновение главным образом среди женского общества.

Это обстоятельство может послужить нам лишней уликой в хлыстовстве Распутина, если только мы обратимся к статье бывшего хлыста Пресображенцева («Исповедь обратившегося раскольника» ³⁾), где говорится, что «религиозная восторженность», особенно благоприятная для проявления пророческого дара, у хлыстов обусловливается, между прочим, совместным участием в радении мужчин и женщин. Свою мысль он иллюстрирует таким рассказом: «Один правитель корабля в секте людей божьих отделил духовных сестер от братьев», во избежание «соблазна плоти». Но «святая беседа» одних братьев «не имела той полноты благодати, которую они получали от св. духа прежде, когда они беседовали вместе с сестрами: не чувствовали того восторга и не имели сердечной теплоты, которая

¹⁾ «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» Д. Г. Коновалова, ч. I, вып. I, Сергиев Посад, 1908, стр. 210.

²⁾ Op. cit., 130.

³⁾ Тульские Епарх. Вед. 1867 г., № 20, и 1868 г. № 6.

прежде согревала их сердца»; «они радели пристально... по лицу их пот катился градом, рубахи их были мокры, хоть выжми; но сердце их было холодно и сухо, духовной радости они не чувствовали; пророк пророчил вяло и нескладно. Так же точно было и с сестрами, когда они беседовали одни без братьев... беседы их лишены были мнимо-благодатной теплоты и обычной восторженной радости. Это принудило наставника опять соединить братьев с сестрами в одно общество. Когда это вновь соединенное общество совершало беседу, дух св. посетил их обильною благодатью: явились радостные восторги, оказалась и теплота сердечная: пророки пророчили в полной силе слова божия, как бывало прежде. Дух св. объявил через пророка начальнику того общества, что ему не угоден таковой раздел».

4) В числе характерных черт хлыстовщины нельзя не обратить внимания на исключительно *враждебное* (хоть и внешне маскированное) отношение «божьих людей» к *православному духовенству*. — «По мнению хлыстов... духовные лица, это — черные врацы, кровожадные звери, волки злые, безбожные жуден, злые фарисеи и даже сопатые ослы» ¹⁾.

«Все вопросы, тесно связанные с церковной жизнью и назначениями, не только интересовали Распутина, — пишет С. П. Белецкий, — но близко его задевали, так как в этой области он считал себя не только компетентным, но и как бы непогрешимым» ²⁾, тем самым, — заключим мы, — расценивая оскорбительно-низко не только отдельных «пастырей», но и весь синод вкупе!

До какой степени «мальтретирование» нашего духовенства доходил Распутин в своей «непогрешимости», показывает хоть бы его жестокая расправа с пресжными, обласкавшими его друзьями-епископами Феофаном, Гермогеном и иеромонахом Илиодором, изнасилование монахини Ксении и т. п. факты.

Повидимому, Распутин находил сущее удовольствие в том, чтобы «пакостить», где только можно, представителям нашей официальной церкви. Повидимому, это составляло для него определенную задачу, входило так сказать в его *личные* планы. Чем иначе объяснить, например, факт несомненного (как доказал это Илиодор ³⁾ злостного, в известном смысле, недопущения Распутиным автономии духовной школы вообще и в частности — Петербургской духовной академии.

¹⁾ Энциклопедия Брок. и Ефр., «Хлысты», 405.

²⁾ Op. cit., 37.

³⁾ «Святой чорт», 103—104.

Чем объяснить иначе противодействие Распутина восстановлению древнего чина диаконисс в нашей церкви, о чем хлопотали все члены синода, митрополит Владимир, игуменья вел. кн. Елизавета и целый ряд авторитетных в делах церкви переев? — «Я папе сказал, что архиереи делают диаконисс для того, чтобы завести у себя в покоях бардаки. Царь с этим вполне согласился», — хвастался «мерищий на свой аршин» Распутин в конце 1911 г. ¹⁾ Чем большему числу непанистных переев мог «досадить» «непогрешимый» Распутин, — тем безопасней были его решения, когда к тому являлся подходящий случай. Достаточно вспомнить хотя бы его роль в вопросе о желательном почти всему нашему духовенству, в 1904—1907 гг. созыве всероссийского церковного собора! «И без собора хорошо, — говорил он Иллроду, — есть божий помазаннык и довольно; *бо его сердцем управляет*, какой же еще нужен собор» ²⁾. (Под «*богом*» видимо Распутин подразумевал здесь никого другого, как *себя* лично, «управляющего» сердцем «помазанника».)

«Разве это слуги божии?» — говорил Распутин о священниках Н. М.—ву, сотруднику «Нового Времени» в 1912 г. — «Нет... Нет... А если где-либо вдали и найдется праведный священник, то все против него... Он, мол, завел какие-то порядки... Собирает вокруг себя людей... Сейчас разговоры... Кричат—сектант... На праведным проносится гроза... Все ломают... Так нельзя... Нужно подумать о боге... совсем другое будет, когда священники-то станут иные»... ³⁾ «А почему теперь уходят в разные вероисповедания? — вопрошал Распутин в своей книжке «*Мои мысли и размышления*» (стр. 28) и отвечал: «Потому что в храме духа нет, а буквы много—храм и пуст».

Так, разумеется, мог говорить только сектант, презиравший рядовое духовенство, в чем хлысты, как мы знаем, отличались особою страстностью.

Только издевательствам над православной церковью можно объяснить такие «*назначения*» Распутина, как представление к митре всячески скомпрометированного попа Восторгова, оглашенного еще Иоанном Кронштадтским как «мазурик», назначение епископом Макария Гневушина, — того самого, которого московские купцы обви-

¹⁾ Св.оточ. черт., 105.

²⁾ Ibid., 114

³⁾ «Новое Время» 1912 г. № 13038.

няли в уголовных преступлениях, проведение в экархии Грузии известного мздоимца, опального епископа Псковского Алексея (после неожиданной смерти которого принужден был застрелиться его секретарь, испугавшийся ответственности за денежные дела экархата) и т. п.

Особенно же характерным для хлыстовства Распутниа было пожалование им Варнаве, почти неграмотному огороднику из Каргополя ¹⁾, епископского сана: — «Хоть архиереи и будут обижаться, что в среду их, академиков, мужика впихнули, да ничего, наплевать, примирятся», — так передал Распутниа Илиодору о своем «объяснении» этого назначения Александре Федоровне ²⁾.

Вот уж где подлинно, во всем своем убожестве, проявилось хлыстовское равнение ко апостолам и заносчивая гордость хлыстов своими «некнижными рыбарями» и «безграмотными архиереями».

5) «Хлысты, как и скопцы, по наружности исполняют все обряды и постановления господствующей в государстве православной церкви, — констатирует Фед. Вас. Ливанов, — и в этом отношении даже нередко отличаются особенным хитро рассчитанным усердием. Они ходят по всей России исправно в православные храмы, отправляют, как следует, ежегодно долг покаяния и причащения, принимают к себе в дома православных священников для совершения обычных церковных треб, держат у себя настоящие святые иконы, словом — ловко кажутся во всех отношениях христианами безукоризненного православия. Всё это, однако, есть не более, как личина, — говорит Ливанов, — носимая, по собственному выражению сектаторов, «страха ради иудейска», т. е. во избежание преследования, определяемого существующими законами против них» ³⁾.

В обряде принятия в секту хлыстов, называемом «приводом», поступающий клянется хранить тайну хлыстовского учения, не объявляя ее «ни отцу, ни матери, ни отцу духовному, ни другу мирскому» ⁴⁾; хлыстовская присяга кончается словами: «...соблюдать тайну о том, что увидит и услышит в собраниях, не жалея себя, не страшась ни кнута, ни огня, ни меча, ни всякого насильства» ⁵⁾.

С этой клятвой каждый хлыст как бы надевает на себя сокровенную маску.

¹⁾ «Выйдя из простой среды, — сообщает С. П. Белецкий, — Варнава не получил даже и среднего образования». (Ор. cit., 16).

²⁾ «Святой чорт», 109.

³⁾ Ор. cit., т. II, стр. 131.

⁴⁾ Энци. Слов. Брокг. и Ефр., «Хлысты», 407.

⁵⁾ Фед. Вас. Ливанов, ор. cit. т. II, стр. 85—86.

О том, что Распутин никогда, даже в пьяном виде, никому не признавался в «хлыстовстве» (выдавая его тем не менее помимовольно другими путями, согласно пословице «на всякого мудреца довольно простоты»), — об этой верности прославленного «старца» своей сокровенной маске мы хорошо осведомлены.

Но кроме этой маски, хлыстам известна еще и другая, — маска, составляющая сущность и соблазн всего хлыстовского учения: — мифологическая маска «Христа».

Среди разновидностей хлыстовства (вернее — штундо-хлыстовства) исповеданием этой «маски» особенно прославился толк «малеванщина», появившийся в 1889 г. Согласно учению малеванцев, глава этого толка есть «царь над царями, бог, во плоти пришедший», чтобы дать уверовавшим в него «безмятежную довольную во всем жизнь»; каждый же «малеванный», будучи «святým» и потому свободным от «закона», представляет собой «живое писание» — воплощение «Писания».

В 1895 г. основатель этого толка Кондрат Малеванный был помещен в Казанскую психиатрическую лечебницу, а «малеванщина» перекинулась в Сибирь, дойдя даже до Иркутской губ. ¹⁾

Не зная в точности, принадлежал ли полностью Распутин к этому толку штундо-хлыстовщины, мы вправе, однако, подозревать его в принадлежности к этому толку, на основании сопоставления «исторических» дат: — к 1895 г., когда малеванщина стала распространяться по Сибири ²⁾, произошло, как мы знаем (см. главу II — «Житие»), «обращение» сибиряка Распутина, и началась его жизнь «святого», стремившаяся к положению «царя над царями» и «бога во плоти пришедшего».

Как только что сказано, мифологическая маска «Христа» была особе облюбленной у малеванцев: подражать Христу чисто драматически (лицедейски) составляло для этого толка хлыстовщины по-настоящему экстатическую радость.

«В религиозных собраниях первых малеванцев, — читаем мы у Д. Г. Коновалова ³⁾, — среди прыганья, женщины обнажались до

¹⁾ Дополнит. 2-й том Энцикл. Слов. Брок. и Ефр. «Малеванщина».

²⁾ В Тобольской губ. — родине Распутина — народ был издавна восприимчив ко всевозможным хлыстовским толкам; стоит хотя бы указать, что хлысты привлекались к следствию Тобольской консисторией еще в XVIII веке (Д. Г. Коновалов, *op. cit.*, стр. 89).

³⁾ «Религиозный экстаз в русск. мистич. сектантстве», стр. 131

пояса и в таком виде продолжали прыгать, кричать, радоваться, жестикулировать. По словам очевидца проф. Сикорского ¹⁾, часть происходивших при этом движений носила несомненный характер экспрессивных движений и аллегорических жестов, которыми иллюстрировались темы, служившие предметом молитв, бесед, экстаза. Так, например, сцена быстрого обнажения женщины до пояса во время пения «Кресту Твоему поклоняемся» была объяснена двойко: крестьянин, стоявший вдали... объяснил, что женщина обнажением тела хочет показать, что Христос был распят на кресте обнаженным; сама же обнажавшаяся женщина объяснила, что она хотела показать, как Христос воскрес и снял с себя гробные пелены». На тех же собраниях случалось, что среди прыганья и судорог, женщины распускали волосы и стремительно бросались к мужчинам с страстными объятиями и поцелуями. Вообще, по наблюдению Сикорского, эротические, страстные позы и движения, иногда с соответствующими галлюцинациями, были нередким явлением в экстазе малеванцев. Нелепый и непристойный характер многих страстных поз малеванцев объясняли таким образом, будто в этих движениях скрыт какой-либо высший смысл, не всегда понятный для окружающих, как в приведенном примере обнажения женщины... Тамбовские хлысты-богомолы называли такие действия «творениями», «чудотворениями» или просто «штукамп» (Тамбовское дело о хлыстах-богомолы, л. 557). «Со мною, — говорила Анисья Копылова, — на собраниях бывало, что я что-нибудь делаю, возьму например образ и представляю какие-нибудь творения, или что-нибудь другое делаю в этом роде»... Филипп Копылов в собраниях «надевал себе на голову образ и ходил по комнате, этим он хотел выразить, что так следует носить закон, т.-е не уронить его и не обратиться опять в мир». «Иногда платками увешивает кого-либо, точно как статую наряжает: знак, что человек тот защищен божьими щитами... Иногда пророк бьет себя по щекам за грехи праведных людей» и т. д. Много подобных чудес творили и пророки Верхоценских хлыстов (см. Дело о них Тамб. о. суда, № 2481, л. 38 — 45 следств. произв.).

На собраниях Оренбургских хлыстов-дурмановцев «выходили молодые девицы и женщины и начинали петь; затем изображали какие-то действия, поднимали руки, распинались, как в театре представляли» (показание участника) ²⁾.

¹⁾ Сикорский. «Психоп. эпид.», 13.

²⁾ Ibid., 134

Подражание «старому Христу», как называют хлысты евангелического Иисуса Христа, заметно у Распутина прежде всего в его *внешности*, начиная с прически длинных волос, размере и контуре его бороды и кончая излюбленными им широкими, ризоподобными рубахами и рясоподобным армяком.

Когда Распутин фотографировался, он принимал или кроткую позу иконописного Христа, с рукою, умильно прижатую к груди, или с руками, молитвенно сложенными вместе, или же позу «благословляющего народ»¹⁾, живописную позу «сокрушающегося Христа»²⁾, и т. п.

Мифологическая «маска» *Христа*, а не другого какого-либо пророка, обязывала Распутина к «божественному» стилю его речи, ко всем этим речениям, изречениям, quasi-притчам и т. п.

Эта же «маска», дразня его чувственное воображение садиста обрядом умовения ног на «тайной вечери», особенно же — надо думать — картиной умовения ног Христа Марией Магдалиной, влекла Распутина к *инсценировке* этого события, с безудержием половой психопатии обращающей чуть не каждую «подходящую» поклонницу «старца» в блудницу Марию, униженно моющую ему ноги.

Христос, бичуя, выгнал торгующих из храма в Иерусалиме (откуда потом распространилось ученье Христа) — Распутин, бичуя, выгнал проститутку из «храма любви» в Казани³⁾ (откуда потом распространился толк малеванщины). — О том, что он признавал лишь бескорыстную любовь к себе, как к Христу, говорят его записки «на память» певичкам хора в ресторане «Яр», с советом: «люби бескорыстно». (См. I главу настоящего очерка).

Удовлетворяя свою флагаелантистическую склонность (отмеченную нами во II главе), Распутин воздавал одновременно и «богу (божие) и кесарю (кесарево)», ибо наиболее популярная хлыстовская песня начинается, как известно, словами:

«Хлыщу, хлыщу, Христа ищу...»

А искать Христа в себе было для Распутина первейшей хлыстовской задачей...

¹⁾ См., напр., снимок воспроизведенный в «Петр. Листке» от 23 марта 1917 г. с подписью «колдун старой России» (Григорий Распутин-Новых).

²⁾ См., напр., снимок Распутина в «Петр. Газете» от 12 марта 1917 г. с автографом на карточке, гласящим: «Что завтра? ты наш руководитель, боже, сколько в жизни путей тернистых». (Этот-же снимок воспроизведен и в книжке Распутина «Мои мысли и размышления»).

³⁾ Палеолог, *op. cit.*, 9.

Мы уже знаем (из беседы «старца» с Илиодором), какое значение придавал Распутин признанию его «Христом» из уст Николая II и его «благоверной». У «простого» же народа, там, у себя, в Тюменской глуши, он уж на заре «подвижничества» внушил легковерным такое важное для каждого хлыста признание. — «На улицах, когда он проходил, — передает Палеолог дошедшие до него слухи, — падали на колени, целовали ему руки, прикасались к краю его тулупа; ему говорили: «Христос наш, Спаситель наш, молись за нас грешных. Бог услышит тебя». Он отвечал: «Во имя Отца и Сына и Духа Св. благословляю вас, братцы. Верьте, скоро вернется Христос. Терпите, памятуя о его мучениях. Из любви к нему, умерщвляйте плоть вашу»¹⁾.

О том, как сам он умерщвлял плоть из любви к Христу, т. - е. (в хлыстовском понимании) из любви к себе, об этом мы уж говорили.

Любовь к себе Распутина, порою близкая к самообоготворению, проходит красной нитью во всех характеристиках «старца», какие мы только встречаем в различных мемуарах о нем. И это уж одно могло бы послужить довольно важною уликой для обвинения Распутина в хлыстовстве, так как именно у хлыстов «на превратном понимании и толковании слов святого апостола, — говорит Фед. Вас. Ливанов, — сложилось учение о личном самообоготворении»²⁾.

б) Нам остается, в целях окончательного раскрытия хлыстовской тайны Распутина, сказать еще несколько слов о *сексуальной этике хлыстов* и сравнить с ней Распутинскую.

Начнем с брачных отношений «божьих людей».

Как известно, хлысты считают священников «поганцами, смутниками, любодееми или «гнезdnиками», потому что они женаты... Брак и крещение хлысты считают за осквернение; в особенности вступающих в брак почитают погубившими душу свою» и пр.³⁾.

Отвергая церковный брак, уча, что с прежней (до вступления в секту) женою следует жить, как с сестрою, хлысты имеют духовных жен, плотские связи с коними не составляют греха, ибо здесь проявляется не плоть, а духовная «Христова» любовь. Иметь связи с чужими женами значит у хлыстов — «любовь иметь, что голубь

¹⁾ Палеолог, *op. cit.*, 10.

²⁾ *Op. cit.*, 117.

³⁾ Фед. Вас. Ливанов, *op. cit.*, стр. 83 («Хлыстовская богородица Акулина Тимофеевна»).

с голубкой». Поэтому хлысты, не теряя брака, оправдывают внебрачные отношения. Вступающий в секту хлыстов, если он женат, должен прекратить супружеские отношения, но без гласного расторжения брака ¹⁾.

Прекратил ли совершенно «обращенный» Распутин «супружеские отношения» с женою своею Прасковьею Федоровной (женщиною «болезненною», по словам Илюдора), об этом мы ничего толком не знаем. Что же касается *верности* этим «супружеским отношениям», то, как мы убедились, из рассмотрения целого ряда засвидетельствованных фактов, Распутин являлся каким-то *образцом супружеской неверности*. И жена его Прасковья Федоровна знала, по словам Илюдора ²⁾, «все художества своего муженька, но из-за корыстных расчетов скрывала его положения». «В доме у него жили две подозрительные девки, — сообщает Илюдор в записке «Гриша». — Один раз они хотели лечь со мною в одной комнате, но я этому воспротивился. Уж после я понял, что Гриша хотел меня сделать хлыстом» ³⁾.

Сам являя чудовищный пример супружеской неверности, Распутин, *не порывая с женою*, учил той же хлыстовской этике и своих поклонниц вкупе с их мужьями. («Я принадлежала ему и считаю это величайшей благодатью»), хвасталась полковница Б. — «Но, ведь вы замужем, как же муж?» допытывалась Е. Джанумова. — «Он знает это и считает это великим счастьем. Если отец пожелает кого, мы считаем это величайшей благодатью, и мы, и мужья наши, если у кого есть мужья» ⁴⁾; таков был ответ «обращенной» Распутиным полковницы).

Как в брачном вопросе, так и в других вопросах сексуальной этики, Распутин являл себя самым ревностным последователем хлыстовского учения и хлыстовских повадок; — даже такие сравнительно пустяки, как хорошо многим памятные обязательные *лобзанья* Распутина, при встрече его с женщинами, не свободны от подозрения в хлыстовстве. «Видел я, — рассказывал покаявшийся хлыст Балабанов, — что Трифон (Богомол, древнейший распространитель хлыстовства в Оренбургской губ.) и все спутники его, . . . женщин и де-

¹⁾ Энци. Слов. Брокг. и Ефр., «Хлысты», 406.

²⁾ «Святой чорт» 30.

³⁾ См. Приложение к запискам С. П. Белецкого. *Op. cit.*, 96.

⁴⁾ Е. Джанумова, *op. cit.*, 30.

виц, при всяком свидании, всякий раз, непременно целуют, называя это духовным лобзанием и толкуя, что через это лобзание, как бы через духовный союз, они... привлекают к себе любовь духовных последователей, которые после лобзания, как связанные чем-то, охотнее слушают их. Даже иногда видел я, как эти окаянные юроды дают некоторым сосать свой мерзкий язык»¹⁾.

Во всех остальных своих блудодеяниях Распутин повторяет до некоторой степени «житие» предшественника своего Радаева (Василия Максимовича Миронова), — знаменитого в 50-х годах прошлого столетия арзамасского *хлыстовского* пророка. «Дух, во мне находящийся, — говорил Радаев, — имеет влечение ко мне привязывать и притягивать людей». Его требованиям и внушениям ученицы его подчинялись беспрекословно. «По произведенному следствию оказалось, что Радаев был в прелюбодейной связи с 13 женщинами и девками; и все эти женщины единогласно показали в допросах: «склонил он меня на прелюбодейство, говоря, что это сделать должно по воле божией, а не по его, ибо в нем своей воли нет, чему веря, я и согласилась». Сам Радаев объяснил нечет девушек: «Сила, во мне действующая, так с ними поступати сильно нудила, так что никак не мог противиться ей, хотя и видел, что преступаю заповедь божью... Я так понимал сей поступок: хотя я с писанным законом творю и несходно, но с волею божией сходно»²⁾.

Этот гипнотический влияния хлыста Радаева, особенно на женщин, свящ. Минервин доносил, в 1850 году, Нижегородской уголовной палате, как о влиянии исключительной силы. «И столько сильны действия его обольщения, что оными пораженное сердце впадает в крепкое страдание тоски, и не могут с ним переносить разлуки, в особенности женского пола. Если они удерживаются силою наказания или какою бы то ни было строгостью воспрещения от свидания с ним, то впадают в какое-то безумие и начинают юродствовать»³⁾.

Не стоит останавливаться дольше на этом самом уязвимом месте «жития» Распутина: «свальный грех» у хлыстов и блудный «грех» Распутина слишком хорошо известны просвещенному читателю.

Распутин был хлыст, повидимому, малеванского толка. — Таково заключение, к которому мы приходим на основании ряда сопоста-

¹⁾ Д. Г. Коновалов, *op. cit.*, 78.

²⁾ *Ibid.*, стр. V.

³⁾ *Ibid.*, 145.

влияний характерных черт его жизни и учения с таковыми же у хлыстовских «пророков», именовавшихся, как и Распутин, «божьими людьми».

Если-бы бывш. императрица Александра Федоровна была более просвещенной в истории русского мистического сектантства, она, конечно, скоро сорвала бы мифологическую маску со своего учителя и, имея пред собою пример Радаева и прочих религиозных эротоманов, не считала бы клеветой обвинение Распутина (устами В. П. Гурко и других) в принадлежности к хлыстовской секте.

Если б вообще при дворе не чурались «бонтонно» таких «неприличных» книг, как «Половая психопатия» Крафт-Эбинга и «Половой вопрос» проф. Авг. Фореля, — быть может Распутина и на порог дворца не пустили бы, а пустив, раскусили бы и с позором выгнали бы. Но в Царском Селе, к сожалению для дома Романовых, читали больше «священное писание», чем книги научного содержания, и наука жестоко отомстила «высоким» невеждам за пренебрежение к своим мудрым дарам.

У того же Авг. Фореля Николай и Александра Романовы могли бы легко убедиться из многих примеров, что Распутин далеко не новое явление, что история происхождения подобных «пророков» почти буквально порой повторяется ¹⁾ и что прославленный «отец Григорий» отличался от своих предшественников лишь сочетанием с «одержимостью» того здравого у него «мужицкого» смысла, которое дало ему возможность «обворожить» Романовых и, ценою их позора, занять в истории России страницу, какой, при всем желании, не найти в истории других государств.

В самом деле!

В том же 1906 году, когда Распутин появился на Романовском «горизонте», в одной из местностей Венгрии рабочий, душевнобольной и помешанный на религиозных представлениях, но вместе с тем и сексуально-извращенный, имел «откровение» и повел за собой большое число женщин. Эта новая община должна была совершенно

¹⁾ Религиозные формы помешательства, в связи с религиозным экстазом, дают иногда в результате отвратительные оргии на половой почве, — говорит Форель (op. cit., т. I, стр. 263). — «Один помешанный, — сообщает он, — выдававший себя за благочестивого и чуть не пророка, жил с одною молодой женщиной и ее матерью, состоял с ними одновременно в половых сношениях и проделывал всевозможные гадости, придавая им религиозное значение». Вспомни (из показаний министра А. Н. Хвостова) о хвостовстве Распутина тем, что он был в связи и с Александрой Федоровной, и с ее дочерью Ольгой!

оголяться и т. п. ¹⁾. «Однако, — сообщает Форель, приведший данный случай во II томе своего капитального труда, — история эта скоро раскрылась и таким образом была пресечена в корне». — «Я лично наблюдал в кантонé Цюриха, — говорит тот же ученый двумя страницами дальше, — последовательниц секты пастора Целлера в Меннедорфе. Пастор этот олицетворяет собою род пророка, берущего на себя излечение больных и сиющегося подражать Христу и Иоанну Крестителю. Благоприятные случаи действительного исцеления, легко объясняемые внушением, он, однако, ставит в связь с чудом. Истерические женщины массою окружали этого пророка, при чем личность его, как таковая, и заключала для них главные мотивы обаяния. Бывшие у меня на лечении в больнице некоторые из его поклонниц в восторженных отзывах о нем исходили исключительно из плотских побуждений. Приходится вообще сделать вывод, — заключает Форель, — что отречение человека от своей природы и стремление к чистой святости нередко дают в результате одну только грубую чувственность, хотя и прикрывающуюся возвышенными фразами ²⁾»).

Во всех этих и им подобных случаях у народов, управлявшихся психически-нормальными властями, «пророки», «святые», «христы» и прочие религиозные авантюристы, проявившие так или иначе *délice egotico-réligieux*, сажались не в царские палаты, а в психиатрические лечебницы.

Григорий же Распутин — истеро-эпилептик, страдавший явной эротико-религиозной манией, — в результате гипноза своей «мифологической маски» покоровший большую волю «самодержавного» дегенерата (и лишь отчасти благодаря практической смётке, проявлявшейся этим хлыстом в *lucida intervalla* у «кормила правления»), был в России допущен «властями» к положению, совершенно исключительному не только в летописях нашей краткой «отечественной» истории, но, можно смело сказать, и в летописях всемирной, многовековой истории.

Что сказать о нем в заключение? Что сказать вообще о «распутинском» периоде царства Романовых?

Мне вспоминается торжественный гимн, распевавшийся так непонятно долго в нашей обширной стране.

¹⁾ Форель, *op. cit.*, т. II, стр. 363.

²⁾ *Ibid.*, 370 — 371.

«Боже, царя храни!» — умильно надсаживались глотки миллионов верноподданных императора Николая II.

Какая поистине страшная ирония судьбы звучала в словах этого тягучего гимна!

«Боже, царя храни!» — пел народ, не подозревая, *какой* землей «бог» перехватывал самоуверенно эту мольбу, относя ее всецело к себе!

«Сильный, державный», — славословили, словно в насмешку, Николая II — эту исключительно жалкую, слабовольную личность, всецело подчиненную действительно державному сектанту.

«Царствуй на славу, на славу нам!» — повторяли верноподданные «царя-батюшки», словно слепые к тому позору, каким покрывал Россию с каждым годом всё больше и больше несчастный «папашка», как звал царя пренебрежительно подвыпивший Распутин.

«Царствуй на страх врагам», — внушал хор «истинно-русских» своему «обожаемому монарху», пока тот, как нарочно, готовил ряд поражений и перед «внешними», и перед «внутренними» врагами.

«Царь православный», — цели в заключение верующие, не зная, что на самом деле царствует не царь, а Распутин, и не православный, а хлыст.

«Боже, царя храни!» — кончался этот затяжной гимн, при воспоминании о котором невольно краснеешь за одно из редких, по своей многосторонности, заблуждений народа.

«Бог» вообще довольно плохо — говоря откровенно — «хранил» русских царей за последнее время. Но всё же как-то, с грехом пополам, а хранил-таки старый! Когда же должность царского охранника была захвачена у «бога» Распутиным, да еще заодно с должностью русского царя, — наступила катастрофа, при которой погибли и оба царя, и оба бога.

"ЦВЕТ ВРЕМЕНИ"

Серия репринтных изданий

Николай Николаевич Евреинов

ТАЙНА РАСПУТИНА

Репринтное воспроизведение
издания 1924 года

ИБ № 132

Подписано в печать 03.10.89. Формат 60х88¹/₁₆. Бумага для технич. носителей инф. 60 г. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,9. Усл. кр.-отт. 5,14. Уч.-изд. л. 4,7. Тираж 100 000 экз. Изд. № 359. Зак. № 464. Цена 3 р.

Издательство "Книжная палата".
103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10.
Творческо-производственный центр "Полифакт"
220006 Минск, ул. Семенова, 28.

Отпечатано с диапозитивов
в Московской типографии № 4
Госкомпечати СССР.
129041 Москва, Б.Переяславская, 46.

Е 0503026300-000
008(01)-90 Без. объявл.

ISBN 5-7000-0219-1

3 р.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
МОСКВА, Страстной бульвар, дом № 4, телефон № 2-61-45.